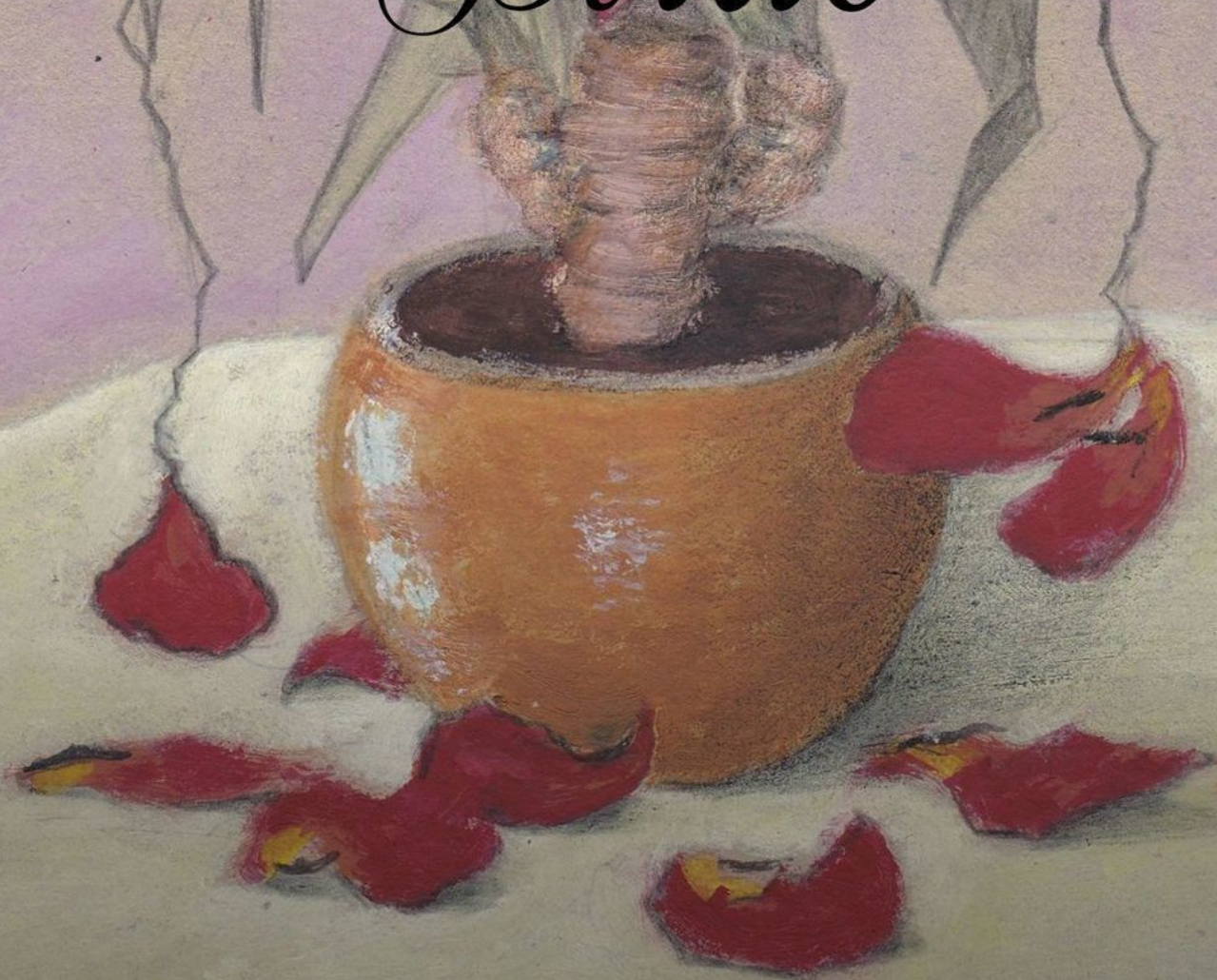

София Кульбицкая

Профессор Влад

София Кульбицкая
Профессор Влад

«Издательские решения»

Кульбицкая С.

Профессор Влад / С. Кульбицкая — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837309-1

Какой была бы жизнь, если бы все люди выглядели одинаково? Юля знает ответ на этот вопрос — редкий дефект восприятия лиц окружающих у нее с детства. Но одному лицу все-таки удалось не затеряться в серой толпе. Это харизматичный профессор, которому болезнь Юли знакома не понаслышке. Возможно, именно ему удастся избавить девушку от коварного недуга...

ISBN 978-5-44-837309-1

© Кульбицкая С.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
Часть II	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Профессор Влад

София Кульбицкая

© София Кульбицкая, 2018

ISBN 978-5-4483-7309-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I

Вступительное слово Юлии Свиридовой, студентки-дипломницы факультета психологии Московского Государственного Инновационно-Педагогического Университета имени Макаренко:

Уважаемые педагоги!..

Удивительное, искристое чувство счастья, безраздельно овладевшее мной после смерти вашего почтенного коллеги – профессора В.П.Калмыкова, – не помешало мне завершить многомесячную работу над темой, которая звучит как... сейчас... *(торопливый шелест страниц)* «Аутизм: некоторые особенности психологической адаптации». Извините, немного волнуюсь, ведь труд мой, как вы сейчас поймете, достаточно автобиографичен (ах, как всё-таки жаль, что Владимир Павлович уже не сможет оценить мою святую верность его терминологии!). Прошу заметить, что я взяла эту тему вовсе не из-за болезненного эгоцентризма – или там, не дай бог, мании величия, – а просто потому, что уверена: мой «случай» действительно уникален и детальное его изучение в рамках психологического исследования может принести неоценимую пользу науке.

Но прежде чем мы приступим, хотелось бы отдать последнюю дань тому, кто и в этой символической форме остается моим научным руководителем – даже в большей мере, чем прежде, ведь без его смерти картина моей психологической адаптации была бы неполной. Давайте почтим память покойного минутой молчания. Прошу уважаемую комиссию встать...

(Смущенные педагоги нехотя поднимаются с насиженных мест, громыхая стульями, покашливая и тягостно вздыхая; две-три секунды в аудитории держится относительная тишина).

Спасибо, можете садиться. Думаю, Владу этого достаточно. Фамилия его вкупе с инициалами, научным званием и прочими регалиями обведена траурной каймой на титульном листе, но я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы «пятнадцать минут позора», как вы называете защиту, превратились в сплошной некролог. Весёлая история психо-преображения, чудесного исцеления, которую я хочу вам рассказать, вряд ли совместима с унынием и кислыми гримасами. Не стоит также обращать внимания на дурацкие приписки, бурые кофейные пятна и жирные следы на страницах контрольного экземпляра – это всего лишь тень Влада-Читающего, Влада-Раздраженного, Влада-Язвительного, Влада-Выжившего-из-Ума, Влада-Несовершенного, каким его знала одна я, каким он никогда уже не будет и какого, несмотря на владеющий мною сегодня восторг, мне всё-таки чуть-чуть жаль...

Но ближе к делу. Я пришла сюда защищаться, не так ли?... Начну, пожалуй.

(Робкие, но поощрительные аплодисменты).

1

Доводилось ли вам, коллеги, охотиться за иллюзией? Гнаться за ней сквозь чащу, раня лицо о колючие ветки? Никогда? Только в юности? Вы профессионалы? Ну и отлично. А к чему всё это, сейчас объясню. Мой дядя... Нет, давайте без цитат, уважаемые: я же сказала – объясню. Во-первых, он закончил наш факультет – может быть, кто-то ещё помнит такого щупленького рыжего студентика Осю Антипова?... Да? Есть сходство? То-то же.

Во-вторых – что куда важнее, – он имеет самое прямое отношение к моему «случаю» (можно сказать, лежит в его истоке, как Влад – в устье) – и, в общем, тому, кто захочет глубже исследовать эту уникальную проблему, не обойтись без экскурса в прошлое, где мой дядя Оскар Ильич только-только приступает к осуществлению своей заветной мечты.

В ту пору меня ещё не было на свете, – а, стало быть, о начале пути я могу судить лишь со слов очевидцев. Вот, к примеру, мама (Маргарита Свиридова – в девичестве Анти-

пова). Она часто вспоминает о нём, когда надо звонить в ЖЭК. Зачем?.. Да чтобы получше разозлиться! Она, Рита, и в детстве-то не особо жаловала младшего братца – глуповатого веснушчатого рыжика; а тут он, мерзавец, свалился как снег на голову – нагрязнул прямиком из Воронежа с двумя огромными чемоданами, так и лопающимися от барахла, – и с идиотски-сияющей улыбкой заявил московской родне, что, дескать, приехал поступать на психфак. («Что ж, – пошучивала в те годы мама, – судя по его придурковатой физиономии, в выборе он не ошибся»).

И самое-то обидное: ведь она же, Рита, отлично знала, что за черти тащат её брата в педагогический! Да всё те же, что некогда приволокли её, красавицу и умницу, в МФТИ – физтех тоже!.. Единственной барышне на курсе не составило, помнится, труда сменить общежитскую койку на роскошную двуспальную кровать в Замоскворечье, где она вскоре и прописалась; видимо, сей элегантный трюк не на шутку вскружил Осе голову. И вот несчастный болван, вчерашний «дембель», уже мчится, шумно дыша и разбрызгивая лаптями грязь, за своей удачливой сестрой, нисколько не сомневаясь, что в столице его ждёт столь же лёгкий успех... Тут мама, чувствуя, что дошла до кондиции, плюхается на диван, пристраивает аппарат на колени и начинает яростно терзать номера московских городских служб.

А разговор продолжает отец (Константин Свиридов). Это добрый, деликатный человек, потомственный интеллигент – и его свидетельства, очищенные от маминого цинизма, запросто могут претендовать на объективность. В первые дни, рассказывает он, оригинальный гость упорно не желал распаковывать свои чудо-чемоданы, поясняя, что надолго-то у нас не задержится – просто «перекантуется пару-тройку месяцечков», покуда новые, интересные знакомства (Москва же всё-таки!!!) не позволят ему скоренько обзавестись семьей – и зажить собственным домом... Его оптимизм заражал. Всё же зять настоял на том, чтобы шурина, пока он ещё здесь, выделили постель, пару полотенец и персональную полочку в платяном шкафу. Тот едва не расплакался от умиления и благодарности, однако и тут не забыл ввернуть, что, мол, всё это – временные неудобства.

К чести Оси, он старательно вёл себя так, как и подобает жильцу на птичьих правах: всегда гасил за собой свет, спускал воду, приглушал звук любимой передачи «Очевидное-невероятное» до такого уровня, что самим хозяевам делалось совестно – и вообще был тише воды, ниже травы. Тут надо отметить, что, сам того не зная, злосчастный провинциал выбрал крайне удачное время для вторжения. Рита ждала ребёнка – и будущий отец, пуще всего на свете боясь взволновать её или расстроить, на всякий случай заискивал и перед Антиповым-младшим. Лишь однажды он сорвался и позволил себе надерзить шурина, оборвав его на полужае: то было, помнится, дождливым субботним утром за завтраком, когда глупый родственник, набив рот яичницей, в сотый раз пообещал, что, мол, не позднее, чем через полгода избавит гостеприимных москвичей от своего присутствия.

Блажен, кто верует! По необъяснимой причине – возможно, то был фатальный закон подлости – Осе катастрофически не везло в личной жизни, и тут уж не помогало ничего: ни богатейший ассортимент девушек на факультете, ни хитроумные приёмы по Карнеги (самые глупые однокурсницы просекали их с ходу), ни даже красивое имя Оскар, на которое он невесть почему рассчитывал, собираясь покорять столицу...

Ловя себя на мстительно-злорадных чувствах, мой кроткий папа испуганно умолкает.

Зато сам Оскар Ильич (мы с ним часто видимся на семейных банкетах) вспоминает о той поре чуть ли не с восторгом. Ох и чудной народ – эти москвичи! Зазвали в гости – говорили: «Живи, сколько влезет!» – сводили на Красную площадь – в мавзолей – зоопарк – Третьяковскую галерею – театр Советской Армии – парикмахерскую «Чародейка» – кафе «Шоколадница», что близ Парка Культуры... всего и не упомнишь, настоящая московская феерия! – а, когда он совсем было размяк и разнежился, огорошили. Стёрли с лиц ласковые улыбки –

и выдали такой волчий оскал, что в какой-то миг он даже усомнился: неужто и вправду эта жуткая парочка связана с ним, Осей, близким родством?..

Сомнение вспыхнуло с новой силой, когда на свет появился волчонок. Маленькая Юлечка. Если до сих пор оборотни ещё как-то ухитрялись держать свои звериные инстинкты в узде, то теперь все деликатности были забыты. Никто больше не упрашивал его погостить подольше; зять, натываясь на него утром в ванной, матерился, вместо того, чтобы ойкнуть и извиниться, и даже сестра – родная кровь! – вечно истерила на ровном месте. Сейчас-то он знает, как это называется – «постродовая депрессия»! – но в те дни только и мог, что вжиматься в стену да пресмыкаться: – Маргошенька! Может, я чем помогу?..

С последним, правда, как-то глупо получилось... Как-то раз новоиспечённому дяде поручили присмотреть за ребёнком; бедняга чуть с ума не сошел от гордости за свою роль в истории, – но после того, как я, при его молчаливом содействии, чуть не повесилась на паутине кровати (в те дни дядя Ося, как на грех, готовился к сессии и умудрился «зачитаться» творением какого-то столпа отечественной психологии), его с позором отстранили от высокой миссии, передав ее в морщинистые, но опытные руки соседки по этажу. В ту пору супруги и принялись намекать Осе, что, дескать, неплохо бы ему перебраться в общагу – раз уж он до сих пор так и не сумел найти себе порядочную девушку с квартирой. Что правда, то правда, дамский пол на Осю не заглядывался, но ведь это ещё не повод менять сталинский дом в центре Москвы на унылый захолустный барак.

Два последующих года дядя избегает вспоминать – кому охота хоть и в мыслях возвращаться туда, где о тебя вытирают ноги и грубо попрекают каждым куском?.. – и лишь вскользь отмечает, что в те дни страстно, всей душой ненавидел маленькую племянницу. Он считал её личным врагом, узурпатором хозяйской любви и причиной всех своих невзгод. А иногда с понятным и вполне простительным злорадством думал, что вот, похоже, бог его, Осю, любит, а всех обидчиков – хе-хе! – наказывает по заслугам...

Ибо Юлечка... – как бы это помягче выразиться, э-э-э... росла не совсем здоровенькой. К трём годам, когда её ровесники уже всю рассуждали о «ми'иционе'ах», «па'овозах» и прочей дребедени, из неё клещами нельзя было вытянуть даже элементарных «мама» и «да», не говоря уж о «Мой папа – физик-теоретик». Строго говоря, и «Юлечкой» -то её можно было считать только с очень большой натяжкой: сама она и не думала откликаться на это имя – как, впрочем, и ни на какое другое. Словом, похоже было, что дружная парочка московских снобов – ха-ха! – ухитрилась произвести на свет – ха-ха! – глухонемого ребёнка.

Теперь они, видимо, надеясь исправить этот промах, беспрерывно таскали своё несчастное чадо по врачам. Первым в их чередѣ стал районный ЛОР, который, пощелкав пальцами над головой смурного дитяти, подтвердил страшный диагноз – и на всякий случай прочистил ребёнку ушки огромной, жуткого вида спринцовкой (Юлечка, даром что глухонемая, орала на всю поликлинику). Далее последовала целая серия походов к разного рода специалистам, то ободряющим, то лишаящим надежды, – а, в общем, без зазрения совести противоречащим друг другу. Единственный ощутимый результат всех этих поисков состоял в том, что родители постепенно начали смиряться со своим несчастьем – и находить в нём своеобразное горькое удовольствие. Даже Оскара Ильича шпыняли почти без азарта, а глава семьи – тот и вовсе расплакался как-то у него на груди, мол, крест его слишком тяжёл и он сдуру женился не на той женщине.

В общем, Осе иногда казалось, что затянувшееся Юлечкино молчание грозит обернуться самыми неожиданными последствиями для всех троих... нет, даже четверых.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. В один прекрасный день пожилая отцовская сослуживица Валентина Михайловна, добрая и немного суетливая дама, прознав о семейных неурядицах коллеги, предложила ему билеты в Большой за полцены. Тот – из какого-то глупого гусарства – сперва отказался наотрез, но потом поразмыслил и принял

«подачку», лицемерно заявив, что не знает лучшего успокоения в горе, чем хорошая музыка и профессиональное голосовое исполнение. Супруга его Рита оказалась ещё более податлива: узнав о предстоящем культпоходе, она страшно обрадовалась, вывалила на тахту сверкающий ворох нарядов и принялась упоённо вертеться перед огромным трюмо, впервые за долгие месяцы забыв натянуть на своё худенькое личико неподвижную маску молчаливого страдания.

До последней минуты Ося втайне надеялся, что возьмут и его. Страстный любитель столичной культурной жизни в целом и оперы в частности, он вот только-только сдал сессию на «отлично» – и полагал, что заслуживает награды. Как бы не так! Старушка-соседка, опытная няня, ещё год назад перебралась на Ваганьковское кладбище, и некому было сидеть с Юлечкой. Кроме того, за дни сессии в раковине успела вырасти вавилонская башня грязной посуды, за которую, по давно и твердо установившейся традиции, отвечал ни кто иной, как безответный и бесправный приживал. Заодно ему было поручено отскоблить и заросший прошлогодним жиром огромный противень, до которого у Риты всё это время как-то не доходили руки... То есть прежде чем пойти развлекаться, великодушные москвичи позаботились и о его, Осинном, досуге. Ну, что ж... Закрыв за ними дверь, новоявленная Золушка в драных джинсах горестно вздохнула – и, усадив вяло сопротивляющуюся Юлечку в манежик, куда полетели вдогонку пушистая собачка и несколько разноцветных кубиков, удалилась в ванную, где уже отмокал в мыльной луже чёрный, страшный противень, импортированный сюда, казалось, прямоком из ада.

Напомню, что в те времена хозмаги вовсе не ломались, как сегодня, от чудодейственных средств, одна капля которых разом разрешает все житейские неурядицы. В распоряжении мойщика были только вода, хозяйственное мыло и сода. Едва приступив к делу, Оскар Ильич с гадливостью обнаружил, что противень, отвратительный как на вид, так и на ощупь, оправдывает свое говорящее имя.

Добрых полчаса он вёл с ним неравный бой, с энтузиазмом возя по изгаженной поверхности сестриной мочалкой и для поднятия духа весело напевая под нос арию герцога Роберта «Кто может сравниться с Матильдой моей?!», – но противный кусок листового железа будто издевался над ним, упрямо не желая вспоминать свой первозданный вид. Наконец, дядя изнемог. Коварная посуда только и ждала этой секунды: едва почуяв, что мучитель её дал слабинку, она споро выскользнула из его неловких, дрожащих пальцев и с победным грохотом обрушилась в замызанное лоно старой эмалированной ванны.

Блям-м-с!!! То пробил звёздный час Оскара Ильича. Громкий детский рёв, спустя мгновение донесшийся из спальни, разом открыл ему то, чего так долго не могли установить кандидаты и доктора: маленькая Юлечка и не думала страдать глухотой!.. Дядя был так поражен открытием, что даже не осознал поначалу, сколько новых и заманчивых перспектив оно ему сулит.

Но ближе к ночи, когда усталая, но довольная супружеская чета с радостными воплями ввалилась на родной порог, он вдруг понял – и даже вспотел от волнения. Юлечкины родители, напрочь забыв обо всех своих печалях, фальшиво, но дружно мурлыкали: «Иоланта видит!.. Иоланта видит!..» Оскар Ильич мефистофельски ухмылялся, смакуя мысль, что в их собственной, реальной жизни только что произошла драма, рядом с которой оперный сюжет, как говорится, отдыхает. Но, осторожный, ничем не выказал своего торжества.

И лишь два-три дня спустя, объявив родне, что Юлечка засиделась в манежике и нуждается в регулярных прогулках, он повязал ребёнку бант, обрядил его в лучшее, какое смог найти в шкафу, платьице (красное в белый горошек, вельветовое), – и дружная парочка, оба в своем роде изгои, отправилась в гости к некоему доценту Калмыкову, что год назад вел у студентов МГИПУ практику в специнтернате для аутичных детей. Пробыли они у него недолго, но этого визита с лихвой хватило дяде, чтобы увериться в своих догадках.

Только теперь, сама будучи без пяти... нет, без десяти минут дипломированным специалистом, я могу в полной мере оценить тонкость и красоту замысла, за осуществление которого Оскар Ильич тут же взялся, засучив рукава – обтрёпанные и полинявшие рукава застиранной рубашки, из года в год служившей ему чем-то вроде домашней униформы. Не сосчитать, сколько долгих часов он провёл на паласе между тахтой и журнальным столиком, в излюбленном месте моих игр, застыв в неудобной позе и терпеливо дожидаясь, пока я перестану его чураться и приобшщу к сонму своих любимцев (замусоленная катушка белых ниток, шатающаяся ножка стула, мамины стеклянные бусы и проч. и проч.); в конце концов неподвижность довела подвижника до судорог, но цели он достиг.

Спустя два месяца Ося решился, наконец, признать себя живым, органическим существом, быстро-быстро зашевелив пальцами рук. Ребёнок удивился, но проглотил пилюлю. Ещё месяц ушел на то, чтобы добавить к безмолвному языку предметов (к тому времени он овладел им в совершенстве!) грубые, но внятные звуки человеческой речи. И какой же был у них праздник, когда Юлечка, хоть и слегка шокированная, начала понемногу отвечать своему новому другу-оригиналу разными «гу-гу» и «ба-ба»! Хрестоматийное слово «мама», что выудил из меня Ося после двухнедельных усилий, стало ему лучшей наградой за перенесенные лишения.

Трудно сказать, обрадовались родители или огорчились, когда Оскар Ильич, потрясая ксерокопиями научных статей кандидата мед. и псих. наук В.П.Калмыкова, открыл им, что, по новейшим исследованиям, аутизмом страдали даже такие великие люди, как Агата Кристи, Александр Пушкин и Адольф Гитлер. Бесспорно одно – отлично ориентируясь в точных науках, они зато смертельно боялись всего, что казалось им малопонятым и труднообъяснимым.

Итак, положение дяди Оси, как он и ожидал, переменилось в одночасье. Ещё вчера – забитый, путающийся у всех под ногами приживал, он вдруг непомерно вырос в глазах семьи, трагически не умевшей достучаться до сознания больного ребенка и слепо верящей, что это под силу ему – нелепому, туповатому, вечно чем-то ошарашенному студенту, а всё-таки профессионалу. В кои-то веки слово «психолог» зазвучало в нашем доме уважительно, без «... олуха» на конце. Дядя ликовал.

То были, пожалуй, счастливейшие дни его юности. Хозяева, насмерть запуганные зловещими наукообразными терминами, особо не досаждали ни ему, ни дочурке; про общагу речь больше не заходила. Успехи наши, меж тем, неуклонно росли. К четырем годам я уже лопотала вовсю; к пяти научилась считать до ста и орудовать ложкой и вилкой; к шести читала по слогам и рисовала цветными карандашами весёлых Колобков – а в семь, как и положено нормальному ребёнку, пошла в школу; кажется, именно с этого момента я и начинаю себя помнить.

2

Как бы ни складывались впоследствии наши отношения с дядей – а они, как вы вскоре увидите, были непростыми, – факт остается фактом: того, что он сделал для меня – никто не сделал (кроме разве что Влада, но об этом позже!). И как бы я ни презирала его за ту, другую вину передо мной, свои ранние впечатления я никогда не забуду.

Он тратил массу времени, пытаясь привить мне важнейшие социокультурные навыки. Мы ходили по магазинам за продуктами и в сберкассах – оплачивать хитроумные квитки; катались по всей Москве на трамвае, автобусе, троллейбусе, такси; проводили время в театрах, кино, библиотеках, музеях, непременно обсуждая потом всё прочитанное и увиденное. Излюбленным местом моего культурного досуга были дома-музеи великих творцов прошлого – огромные многокомнатные, многоэтажные квартиры с уймой славненьких говорящих бытовых мелочушек (среди них я чувствовала себя как дома и вместе с тем как будто попала на волшебный карнавал). Кажется, дяде Осе они тоже нравились – как-то раз он с горьким вздохом произнёс: «Да уж, в такой-то квартирке всем хватит места».

А вот насчёт Третьяковской галереи наши мнения разошлись. Громоздкие и неясные портреты, которые я долгое время считала копиями с одной картины, пока не додумалась прочесть подписи под рамами, не вызвали у меня ни малейшей симпатии, – и я не понимала, что заставляет дядю Осю подолгу выстаивать перед ними, раздражённо отмахиваясь, когда я нетерпеливо дёргаю его за рукав.

В свою очередь и я приглашала его на экскурсии в свой маленький мирок, волшебное царство предметов, где я была всевластной государыней и где каждый подданный был у меня на особом счету. Ложась щекой на жёсткий, упругий палас, красный с багровыми разводами, я тут же узнавала в усатое лицо каждый завиток ворса. Ещё симпатичнее была металлическая, напоминавшая лабиринт, конструкция батареи, отдельные части которой хоть и казались на первый взгляд похожими, но всё-таки сильно рознились между собой расположением присохших волосков и застывших капелек кремовой краски, по которым я, даже закрыв глаза, с лёгкостью могла распознать на ощупь каждый фрагмент (если, конечно, не слишком сильно топили).

Но фаворитами были, конечно, мамины бусы – нанизанные на леску круглые, крупные (а мне казавшиеся огромными) тяжёлые шарики голубого стекла, в тени выглядевшие нежно-матовыми, но, если смотреть через них на лампу, сиявшие так, что плакать хотелось – просто от невозможности выразить эмоциональное потрясение, которое вызывали во мне эти голубые солнца. В избытке чувств я могла перебирать их в руках часами, забившись в любимый угол между тахтой и журнальным столиком.

С этими бусами у нас была связана забавная игра. Отвернувшись так, чтобы я не могла видеть его манипуляций, дядя Ося бережно прятал ожерелье в широких взрослых ладонях, оставляя на виду одну бусину, которую и демонстрировал с хитрющей улыбкой: – Ну, какая по счету?.. – Мне эта забава казалась простой и незатейливой – едва взглянув на пленницу, я тут же называла её имя: третья от застёжки, пятая от застёжки, восьмая от застёжки, всегда безошибочно, – но глуповатого дядю она всякий раз повергала в священный трепет:

– Как это ты угадываешь? – недоверчиво спрашивал он, глядя на меня почти с ужасом. – Они же одинаковые по размеру!..

В один прекрасный день ему пришлось в голову, что у меня открылись аномальные способности; думая развить их, дядя Ося купил в киоске «Союзпечать» колоду карт – и несколько дней подряд «испытывал меня на ясновидение». Выложит их на палас рубашками кверху – и нудит-нудит-нудит, требуя, чтобы я назвала статус или хотя бы масть коронованной особы, уткнувшейся лицом в багровый ворс...

Увы, я ни разу не отгадала правильно, что яснее ясного показывало: никаких «эдаких» способностей у меня нет. Оскар Ильич был удивлен и разочарован. Я объяснила, что всё проще, ожерелье – моя давняя любовь, я знаю в лицо каждую бусинку, каждую царапинку на её поверхности и каждый пузырьёк воздуха внутри. Мало что поняв – кроме того, что искать во мне феномен бесполезно, – дядя Ося махнул на «все эти глупости» рукой и обучил меня карточным играм в дурака и пьяницу – что в некотором роде было пророчеством его судьбы.

То есть запил он много, много позже. А вот дураком был уже сейчас. Даже я своим скудным аутичным умишком понимала: дядю надули. Мои – пусть и впрямь недюжинные – успехи в «освоении реальности», которыми он так гордился, вовсе не прибавили ему ни устойчивости, ни уважения. Неблагодарные родственники щадили Осю, пока необходимость в нём была налицо, но с тех пор, как я пошла в школу, ими вновь овладел скепсис. Всё чаще в доме происходили бурные ссоры; десятая моя весна стала, пожалуй, их пиком; заводилой обычно была мама, нападавшая на родного брата с присущей ей грубостью и беспардонностью:

– Что ж ты такой лох? – кричала она (ужасно мерзким тоном – даже меня, ребёнка, слегка корбило). – Приоденься! Выведи прыщи! – В ответ Оскар Ильич ворчливо огрызался: может, у кого-то и есть время для личной жизни и всяких там амурных походов, а у него, между

прочим, больной ребёнок на руках. Какой ребёнок?.. Да ваш, ваш несчастный ребёнок, которого вы, умные физики-математики, спихнули на плечи дяди. Где бы он был сейчас, ваш ребёнок, если б не глупый гуманитарий Оська?.. (Уже тогда у него появилась дурацкая привычка уничижительно говорить о себе в третьем лице). В какой дурке он пускал бы слюни?! Что, не знаете?..

Он врывался в гостиную, где я, сидя за большим, застеленным клеёнчатой скатертью столом, прилежно делала уроки; он хватал мой портфель и начинал лихорадочно перетряхивать его в поисках школьного дневника. – Что, взяли?! – ликующе кричал он, трясая дневником так, словно ждал, что из того вот-вот посыплются пятёрки. (Училась я и впрямь неплохо: врожденная гипермнезия – счастливая способность запоминать с одного беглого прочтения несколько страниц наизусть – всегда меня выручала).

На какое-то время в семье воцарялся мир, но потом всё начиналось сызнова. Мама, ещё в детстве изучившая нехитрый букварь братниных слабостей, ухитрялась подбирать именно те слова, что жалили особенно метко – она уже не верила в мою болезнь; папа делал вид, что он тут ни при чём, но по его двусмысленной улыбке было видно, на чьей он стороне. Униженный, опущенный, дядя шёл ко мне – единственной, от кого не ждал подвоха, – и уныло предлагал «перекинуться в картишки»...

Фатальное, патологическое невезение! Невероятно, но факт: даже в школе, обычной общеобразовательной школе, куда он устроился психологом на пол-ставки, ему так и не удалось заарканить заветную прописку. Он, правда, как-то обмолвился, что ему строят глазки две «симпатяшки» – русачка и музычка, – но в первую давно и безнадежно был влюблён физрук, а вторая, мать-одиночка, сама недавно приехала из Серпухова и снимала крохотную комнатушку в Южном Бутове. Впрочем, возможно, он попросту выдумал всё это, чтобы хоть чем-то умаслить сестру, которая мало того что сама всё злее проезжалась по его «никчемным мужским данным» (клевета!) но ещё и своего малахольного Костика подзуживала. Каждое утро Оскар Ильич с трепетом ждал, что вот сегодня ему укажут на дверь; но почему-то всё пока ограничивалось издёвками, пусть и очень жестокими.

Он, конечно, догадывался, почему. Все – и он сам в том числе – хорошо знали, что Юлечка, такой необычный, ранимый ребенок, до истерики обожает дядю (папа, с мягкой иронией: «Осин хвостик!») и ещё, чего доброго, не перенесёт его внезапного исчезновения. Ладно уж, думали взрослые, подождём немного, пусть девочка ещё немного подрастёт, окрепнет...

А между тем как они ошибались! Я не только ни капельки не была привязана к Оскару Ильичу, но (как ни стыдно теперь в этом признаваться – а, впрочем, мы с дядей квиты!) – тайно, сладострастно, как могут только дети, желала ему всяческого зла! И, если не пакостила в открытую, то лишь потому, что побаивалась выводить из себя этого коварного лицемера, способного – он сам это доказал! – на любую подлость.

Когда я это поняла?.. Не в какой-то конкретный момент, нет; ужасное открытие совершалось исподволь, постепенно. Как-то раз, помню, мы играли в азулину, дядя несколько раз удачно смухлевал, подсунув мне пиковую даму из другой колоды с похожей рубашкой. А когда обман раскрылся, мне в голову пришла забавная мысль – и я со смехом сказала: оказывается, игральные карты так же трудно различать, как и людей, да и тех ведь можно объединить в колоду: среди них тоже есть «дамы», «короли», «валеты», мелкотравчатая детвора и совсем старенькие «тузы»; четыре масти – брюнеты-пики, блондины- и седые-червы, шатены-трефы, рыжие-бубны, лысые... ну, лысые пусть будут джокерами: например, папа – очкастый джокер, мама – трэфовая дама, я – десятка-треф, дядю Осю ещё помню рыженьким валетиком, но теперь, к тридцати годам, он стал натуральным бубновым королём; одноклассники, полные и худощавые, высокие и коренастые и всё же трудноразличимые, это как бы набор из разных колод или будто кто-то смухлевал, вот как сейчас дядя... но тот вдруг перебил меня, чтобы я,

дескать, «не морозила ерунды», а шла бы лучше делать уроки, – и, покраснев пятнами, нервно смешал карты.

То был совсем не его стиль, обычно он разговаривал со мной как со взрослой, на равных. Я решила, что он, видимо, нездоров.

Но скоро это «нездоровье» вошло у него в привычку. Я – повторюсь – училась неплохо, была в классе на хорошем счету, и вот как-то раз Вере Николаевне, нашей географичке, вздумалось посадить меня к оболтусу Боровкову, чтобы я на него «влияла». Увы. Не успела я переехать, как выяснилось, что я – куда более циничная и опасная хулиганка, чем мой будущий подопечный... – К Боровкову, Свиридова! Я сказала к Боровкову, а не к Иванову! К Боровкову, а не к Лепетухину!! К Боровкову, а не к Сивых!!! – и тэдэ и тэпэ, и всё это под дружный хохот одноклассников, чей ассортимент не успел исчерпаться прежде, чем разгневанная Вера дошла до кондиции – и с воплем «Больная!!!» за шкуру перетасила меня к парте Боровкова (теперь уже не для перевоспитания, но потому, что «идиотов лучше держать ближе друг к другу, в резервациях»). Но, ясно видя гибель своей репутации, я не понимала, в чём же провинилась (хихикающий в кулак Генка Боровков молчал как партизан), и после уроков поспешила выяснить это у дяди.

Но вместо того, чтобы толком объяснить, чем же я «больна» (а я и раньше слышала дома туманные разговоры о какой-то своей таинственной болезни, но, чувствуя себя прекрасно, не придавала им значения), тот снова заявил, что я говорю глупости, после чего сам же поидиотски сострил, уродливо переиначив пушкинскую строфу: «Дитя моё, ты не больна! Ты просто, просто – влюблена!» – чем довёл меня до слёз. Тогда к нему вернулось обычное миролюбие и он, ласково погладив меня по голове, заявил: – Это раньше ты была больна, а теперь добрый дядя Ося тебя вылечил.

Он лгал! Ещё неделю назад я сама слышала, как он плаксивым голосом описывает родителям нашу поездку в Палеонтологический: как после долгого, мучительного ожидания подошел троллейбус, как он, Ося, юрко заняв два места, закричал: «Юлечка, Юлечка!» – и как тяжело ему было наблюдать за «несчастной калеккой» (это я!), что, широко раскрыв непонимающие глаза, ощупью пробирается по салону, глядя мимо «родного дяди», потом на него и снова мимо – слыша, как говорится, звон, да не зная, где он. (А легко сказать: на дворе стоял март, и дядя Ося был одет в драповое пальто и добротную пыжиковую шапку «как у всех»)...

Тут я вспомнила, как недавно он, заявив, что я должна сближаться с коллективом, чуть не насильно засунул мне в портфель трехкилограммовый пакет «Мишки Косолапого». Но гуманитарная акция получилась какой-то нелепой: мимо парты потекла круговая очередь потенциальных друзей, на каждом – синий форменный пиджачок и каждый уверяет, что его де обделили, и уследить за этим никак нельзя, да, собственно, и незачем, и хочется только одного – чтобы запас конфет, достаточный, чтобы вызвать аллергию на сладкое у всей школы, включая преподавательский состав, поскорее иссяк... То, что надо мной издеваются, от меня не ускользнуло, хоть я и никак не могла сообразить, в чем именно издёвка; но, когда я решила выяснить это у дяди Оси, тот снова заявил, что я «всё выдумываю». Словом, было ясно, что Оскар Ильич, так сказать, играет со мной в дурака – вот только зачем?..

Когда я, наконец, это поняла – сама дошла, своим аутичным умишком! – мне пришлось ещё несколько дней проваляться в постели в сильнейшем жару, до причины которого районный педиатр доискаться так и не смог; а между тем – NB, коллеги! – это очень любопытное свойство моего организма. Любое сильное эмоциональное потрясение тут же откликается в нём резким скачком температуры, не сбиваемой никакими лекарствами, а иногда вызывающей бред... В тот раз я, по-видимому, тоже бредила – судя по тому, что Оскар Ильич, который сам вызвался дежурить у моей постели, ещё долго косился на меня с опаской и избегал душевных разговоров.

Со временем мы вроде как помирились, – но внутри себя я затаила глубокую обиду на дядю, по-детски не прощая ему предательства. Я и впрямь считала, что он поступил подло, скрыв от меня суть моей странной болезни – вернее, её последнего симптома, – а, значит, не дав мне шанса излечиться полностью; тогда я и не подозревала, что в один прекрасный день это обернется для меня благом. Ведь если бы все, и ваши тоже, лица, уважаемые коллеги, не казались мне абсолютно одинаковыми (как китайские или японские – здоровому европейцу, смеётся мой названный брат Гарри) – разве я была бы сейчас так упоительно счастлива?..

3

Я слегка преувеличила, назвав сходство между людскими лицами *абсолютным*. При желании (возникающем, в общем, не так уж часто) различить их, в принципе, можно – обычно с помощью двух-трёх простеньких приёмчиков, не требующих особой концентрации. Вот, к примеру, моё ноу-хау – так называемое «овеществление», которое я изобрела лет в одиннадцать, как-то вдруг осознав, что взрослой девушке, какой я вот-вот стану, вряд ли стоит выставлять себя на посмешище.

Механизм его прост: достаточно только забыть, что лицо – это лицо, и попытаться взглянуть на него, как на что-то абстрактное, неживое; тогда в нём проявятся вполне конкретные детали, за которые можно зацепиться. Скажем, с тех пор, как я обнаружила, что дядины глаза до жути похожи на пятую и восьмую бусины от застёжки соответственно, жалостные сцены в троллейбусе прекратились навсегда.

Или вот ещё пример. В районной библиотеке, где я провела полдетства (все аутисты любят читать, если, конечно, знают буквы!), заседали посменно две дамы-треф: первая – очень добрая (она всегда подбирала мне что-нибудь интересненькое), вторая – сушая мегера, которой я боялась до смерти. Интрига: обе носили массивные роговые очки и седой пучок!!! Так вот, средство и тут мне помогло: кожа злобной, оказывается, мимикрировала под ткань любимой маминной блузки («жатая, модная!», с нежностью говорила та), ну, а во рту у добродушной жили чудесные, ярко вспыхивающие при улыбке золотые резцы...

Всё бы хорошо, да вот беда – бывают случаи, когда овеществление не работает. Например, когда я попыталась применить его к себе самой, меня постигла обиднейшая неудача. В круглом, сероглазом, с прямой чёлкой девичьем лице, тупо глядящем из зеркала, я так и смогла найти ни одной зацепки – даже глаза-бусины были точь-в-точь дяди-Осиными! – и после ряда пустых попыток махнула рукой на свою затею. В сущности, мне, как и любой девочке, гораздо интереснее было бы узнать, как я выгляжу в глазах других, нормальных людей, «симпатичная» я или «уродина» (понятия, увы, для меня тёмные). Но и тут я потерпела фиаско: отец уверял, что для него я всегда буду красавицей, – что, конечно, обнадёживало, но как-то не слишком; мама, брезгливо морщась, советовала поменьше вертеться перед зеркалом, ну, а дяде Осе с некоторых пор вообще стало не до меня...

Всё началось с того, что он, прежде завзятый домосед, стал пропадать где-то по вечерам; потом и вовсе загулял – и возвращался под утро, слегка покачиваясь, с блуждающей, блаженной улыбкой на глуповатом лице. В манерах его тоже появилось что-то новое – уверенность, что ли: он совсем перестал мыть за нами посуду, а на привычные, уже набившие всем оскомину мамины подколки отвечал снисходительным похмыкиванием... В общем, не было сомнений в том, что свершилось чудо и Оскар нашел, наконец, свой идеал – незамужнюю даму с московской пропиской и хорошими жилищными условиями.

Кто она?.. Откуда взялась?.. Имя героини?.. Дядя Ося загадочно отмалчивался, видимо, боясь взглянуть; но тут мы кое-что вспомнили. На дворе стоял декабрь 91-го года; несколько месяцев назад, в августе, Оскар Ильич, неожиданно оказавшись единственным среди нас храбрцом, вышел на баррикады. Когда всё завершилось и он вернулся домой, его встречали как героя; ещё несколько дней мама, а за ней и отец, величали его не иначе как «наш освободи-

тель», на что дядя Ося строго отвечал: «Не каркайте!» Мы-то наивно думали, что он имеет в виду будущее России, теперь же выяснилось, что дядя был озабочен куда более важной проблемой – личной. Что ж, отныне его называли «освободителем» только иронически – в том смысле, что он вот-вот освободит нас от своего присутствия.

Под напором нашего любопытства он понемногу стал выдавать информацию. Да, он действительно встретил тогда на баррикадах женщину своей мечты. Она – врач-невропатолог в районной поликлинике. Вдова. Одинокая?.. Нет, слегка помявшись, отвечал дядя Ося, не совсем одинокая, у неё сын, – но это как раз не страшно, потому что их трёхкомнатная квартира близ Кутузовского прямо-таки огро-о-омная, места хватит всем!.. А сколько лет сыну?.. Ну, чтоб не ошибиться, он примерно на год старше Юлечки (мне было одиннадцать – значит, ему двенадцать). Это особенно порадовало родителей – я услышала фразу: «Вот будет Юлечке кавалер».

Хороший мальчик? О да, умнющий парень, прямо вундеркинд. Я, тайком подслушивающая разговор взрослых, решила, что речь снова идет о какой-то редкой болезни, что заставило меня проникнуться к будущему кавалеру заочной симпатией.

– Ты хоть приведи их к нам, познакомь, – сказала мама. Дядя Ося засуетился: конечно, он давно мечтает всех нас познакомить, просто ждал, пока всё утрясется (он неоднократно обжигался и боялся теперь излишней поспешностью спугнуть удачу). Особенно, по его словам – по его лицемерным словам! – ему хотелось свести бывшую воспитанницу со своим будущим пасынком. (Юлечка сейчас как никогда нуждается в общении со сверстниками). То-то выйдет парочка!.. Дядя Ося расписывал «будущего пасынка» с такой страстью, будто тот был его родным сыном. Чудо-ребёнок!.. Умница! Красавец!! Отличник!!!

Последнее вызвало у мамы острый приступ скептицизма. – Что-то ты загибаешь, – с сомнением сказала она, – если он красавец, зачем же он тогда отличник? – Даже через стену было слышно, как оскорбился дядя. – Ну, хорошо, – произнес он после паузы, – раз так, больше я ничего не расскажу, и не просите.

Но хватило его ненадолго. Спустя пять минут он как бы невзначай забрёл в гостиную, где я тихонечко сидела на диване, делая вид, что читаю... и хвалебная песнь о вундеркинде полилась, ничем не сдерживаемая, дальше. С каждым словом всё грустнее мне становилось, и виной тому был отнюдь не «чудо-ребёнок» с его удивительными достоинствами.

Он что – забыл, с кем разговаривает?.. – изумленно думала я, вполуха слушая восторженный дядин бред. Похоже, да, забыл – иначе не осмелился бы мозолить мне уши описаниями «потрясающей внешности» пасынка. – Красавчик! – говорил он с придыханием, – просто красавчик!.. Девочки толпами бегают!.. Чёрненький такой, прямо демонёнок; брови вразлёт, а глазищи под ними – во!.. Огромные!.. (Что-то у наших будущих родственников всё было «огромным»!). Черты лица...

– Они что – цыгане?! – с ужасом спросил отец, появляясь в дверях гостиной. Да нет же, скорее – грузинские князья. Вы бы видели этого мальчика! Тонкие, аристократические черты лица, точёный нос...

Тут меня охватил нервный хохот, и я убежала в спальню, чтобы не слышать дядиных разглагольствований. Смеялась я по двум причинам. Первая: у моего деда Ильи в Воронеже есть токарный станок, на котором он любит вытачивать шахматные фигурки; нос в форме коня или пешки представлялся мне сомнительным украшением. Вторая и главная: по-видимому, дядя Ося и впрямь настолько ошалел от свалившегося на него счастья, что забыл о моей беде напрочь... Не скажу, чтобы мой смех был очень весёлым: кажется, именно тогда я впервые по-настоящему осознала свою ущербность – и долго ещё рыдала, уткнувшись лицом в подушку.

Спустя неделю (почти все скромные дядины пожитки успели за это время незаметно уплыть из дому, оставив зияющие пустоты на полках и полочках) Оскар Ильич огорошил нас известием, что его новая семья созрела для смотра и вот-вот нагрянет к нам с визитом вежли-

вости. Это вызвало лёгкую панику – каждый втайне боялся, что будущие родственники, увидев нас, испугаются и передумают. Но, как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанского: окинув квартиру цепким взглядом опытного стратега, мама объявила генеральную уборку, и всю неделю мы, ужасаясь мысли не угодить благодетелям, вкалывали как волы.

Наконец, долгожданный день наступил. К встрече гостей начали готовиться с самого утра: отца прогнали в спальню, чтоб не мешал, а сами занялись по хозяйству. Салатики и прочая снедь уже дожидались своего часа в холодильнике, оставалось только разложить их по тарелкам да украсить забавными аксессуарами – мухомор, ловко сработанный из яйца и половинки помидора, морковные звездочки и проч. Сервировав стол почти по-ресторанному, занялись собой. Я сняла с «плечиков» лучшее, нарядное платье – синее, облегающее, с блёстками; мама заставила меня распустить волосы, обычно туго забранные в хвостик, собственно-ручно уложила их щипцами и накрасила мне ресницы:

– Ну, ты у меня прямо дама, – сказала она с гордостью. – Пойди-ка, посмотришь в зеркало! Нравишься себе?..

Сама она тоже «примарафетилась»: чёрный шёлковый брючный костюм, голубые стеклянные бусы, в макияже преобладает жемчужно-серый оттенок... Два с лишним часа, оставшиеся до прихода гостей, показались нам тягучей и вязкой субстанцией, в которой медленно растворялось любимое мамино телемыло. Наконец, в прихожей раздался отчаянный трезвон – и мама, с бешеными глазами метнувшись к зеркалу и несколько раз ткнув пальцами в свою «вертикальную химию», побежала открывать, неумело крестясь на ходу.

Секунду спустя квартиру огласили ликующие вопли дяди Оси: – Мы идём! Мы идём!! – и с лестницы послышались далёкие, гулкие голоса; не в силах побороть разбирающее меня любопытство, я тоже прыгнула с тахты и выскочила в прихожую.

Там меня ждало потрясающее зрелище... Сквозь дверной проём старательно протискивалось что-то огромное, меховое и грандиозное. Оскар Ильич так и пританцовывал от нетерпения, силясь хоть как-нибудь помочь странному существу и суетливо выхватывая у него то сумочку, то перчатки (одну он уронил), то пышную, громоздкую кроличью шапку. Чуть ближе ко мне мама, такая трогательная и худенькая в своём чёрном костюмчике, неуверенно улыбалась и жалась к стене – весьма предусмотрительно, поскольку в следующий миг смущённо смеющийся меховой колосс заполнил всю прихожую целиком:

– Захира Бадриевна, – густо, с юмористической ноткой в голосе представился он (то есть она, конечно!), – можно просто Зара. А это мой Игорёк...

Тут произошла небольшая заминка: не рассчитавшая своих габаритов весёлая гостья несколько секунд безуспешно пыталась извернуться таким образом, чтобы пропустить вперёд себя «Игорька», застрявшего где-то сзади; подвигала локтями, рассмеялась, махнула рукой – и, деликатно потопав ногами о половик (мама, в панике: «Только не смейте разуваться, Зарочка!.. Не смейте разуваться!..»), втиснулась в проём кухни, позволив нам, наконец, увидеть того, о ком мы все эти дни слышали так много интересного.

Прославленный чудо-ребёнок, державшийся и впрямь с редким достоинством, неторопливо расстегнул молнию своей дутой серебристой куртки и стянул с головы лыжную шапочку, открыв такую же, как у матери, жгуче-пиковую масть; он оказался ещё и кучерявым – не зная я, что это «Игорёк», решила бы, что передо мной девчонка. Пиковая десятка?.. Нет, валет пик, он ведь старше меня почти на год...

Мама так и заахала: «Ах, какой хорошенький! Глаза-то, глаза!» Потом озадаченно взглянула на Захиру Бадриевну:

– Надо же, – заметила она довольно бестактно, – он у вас ещё совсем мальчик, я бы даже решила, что он младше Юлечки. А мне всегда казалось, что южные народности...

– У него был русский отец, – пояснила Захира Бадриевна. Мама успокоилась. Тот, о ком шла речь, продолжал спокойно стоять у двери, терпеливо дожидаясь, пока взрослые закончат свои пересуды.

Тем временем я, почти не таясь, с интересом разглядывала будущих родственников. Игорьёк показался мне так себе – пиковый валет без особых примет. Зато тётя Зара... Что ни говори, думала я, а вкус у дяди Оси отменный. Уж его-то жену я точно узнаю в любой толпе безо всякого овеществления! Мало того, что она огромная, как грузовик «Белаз», – у неё ещё и усы растут!.. Небольшие, конечно: пикантные такие усики. Но заметные. В мгновение ока гостыя завоевала мою симпатию, пополнив маленькую личную коллекцию VIP-персон – это были те, кого я встречала в школе или во дворе: сосед, очкастый мальчик с целиком обожжённой правой щекой; неправдоподобно тучный директор школы; его антипод, анорексически-худой юноша, почти скелет, что вот уже несколько лет вёл у нас общественно-полезный труд; безногий инвалид, катающийся вокруг дома на трехколёсной дощечке... – словом, люди легко узнаваемые, с которыми я могла смело здороваться по имени.

– Надо же, какая хорошенькая девочка!.. – это уже тётя Зара, смущённая и польщённая успехом сына, решила соблюсти приличия.

Тут вдруг я поймала на себе пристальный, чуть насмешливый взгляд Игорька, который, оказывается, всё это время на меня пялился. По скромности я было заподозрила, что это всего-навсего любопытство естествоиспытателя (наверняка ведь Оскар Ильич уже наболтал ему, что я, мол, отмечена сложным и редким дефектом психики, так же как и нам все уши прожужжал «удивительной красотой» Игорька, которую я, увы, не могла оценить по достоинству!). Но миг спустя, когда я вновь украдкой на него глянула, он улыбнулся так откровенно и плотоядно, что у меня больше не осталось сомнений: мои распущенные кудри и покрашенные ресницы оч-чень понравились названному братцу...

– Давай сюда куртку, Игорёк, – ласково сказала мама. – Вы тоже раздевайтесь, Зарочка. Ой, куда бы её повесить?.. Помоги, Ось...

– Вот на ось её и повесь, – сострил папа, выходя из туалета с глянцевым журналом в руках; шутка осталась незамеченной – взрослые в эту минуту увлечённо оттапывали друг другу ноги, ища местечка для вещей. Только вундеркинд слегка усмехнулся, но тут же поспешно придал лицу выражение снисходительного равнодушия.

Наконец, гости разобрались с верхней одеждой, попросту навалив её кучей на столик под зеркалом (Игорёк слегка скривил губы, увидев, как непочтительно погребли его куртку под огромной шубой Захиры Бадриевны и дяди-Осиным пальто), и мы всей гурьбой отправились в гостиную, где нас ждал накрытый стол. С шутками и смехом расселись по местам: мы с папой – по одну сторону, Захира Бадриевна с сыном – по другую, дядя Ося – у стены в торце, где просто никто больше не хотел садиться, а хозяйшка – напротив, у двери, откуда ей было сподручнее отлучаться на кухню за новыми яствами. Вряд ли случайным было и то, что мы с чудо-ребенком оказались vis-a-vis.

– А это наша Ю-улечка, – нараспев произнесла мама, обняв меня за плечи: она вдруг вспомнила, что не успела представить меня молодому человеку. Тот украдкой послал мне всё тот же долгий, полный дерзкого намёка взгляд – и чуть заметно кивнул маме: вижу, мол, что Юлечка.

– Гарри, – спокойно представился он. Мама заулыбалась.

– Гарри Каспаров? – игриво спросила она. – Чемпион?..

Мальчика покорило, но он тут же справился с собой: – Нет, – ответил он, – Гарри Гудилин, – и взглянул на мою бедную маму с брезгливой жалостью.

Захира Бадриевна пояснила: Гудилин – фамилия её покойного мужа, Гарри – производное от «Игоря»... Тут мама – а за ней и дядя Ося, радующийся её радости, – пришла в полный восторг. И вправду, как остроумно придумано! Действительно ведь был такой Гарри Гудини –

великий маг-иллюзионист!.. За это стоило выпить, и Оскар Ильич под общий радостный испуг выстрелил пробкой прямо в трюмо, которое от удара содрогнулось и застонало, но почему-то не разбилось; взрослые с готовностью зазвенели бокалами; дядя загадочно пообещал, что Игорёк ещё покажет нам свои чудеса.

Впервые в жизни и мне разрешили попробовать шампанского. Я выпила целый бокал, после чего моё тело начало вести себя как-то странно – оно как бы меняло местами действие и предшествующий ему импульс: скажем, стоило мне подумать, что неплохо бы протянуть руку и взять с другого конца стола вазочку с хреном, как оказывалось, что моя рука непонятно когда уже сделала самостоятельный рейд над скатертью и как раз в эту секунду возвращается с добычей к тарелке. Это наблюдение навело меня на неприятную мысль, что, может быть, и в обычные дни части нашего тела живут автономной жизнью, и нам только кажется, что мы принимаем решения сами. Несколько раз я опрокинула бокал, и взрослые засмеялись; Гарри тоже пил шампанское и тоже, по словам Захиры Бадриевны – впервые, однако ж координации не терял.

Спустя пять минут, когда первая бутылка шампанского опустела, а взрослые немного расслабились, Захира Бадриевна легонько толкнула сына в бок:

– Ну, Игорёк, – заговорщицки сказала она, – покажи!..

Гарри усмехнулся.

– Мама, – сказал он со снисходительным упреком. Но тут и другие взрослые, успевшие слегка захмелеть, накинулись на него: «Покажи, покажи!» Особенно старался раскрасневшийся дядя Ося: – Не финти, давай-давай, показывай!.. – Мальчик с вымученной улыбкой закатил глаза. Потом нарочито-тяжко вздохнул.

– Ну ладно, – сказал он. – Нужно что-нибудь железное. Только не очень тяжёлое, а то у меня силы не хватит.

Мама с готовностью сбегала на кухню и вернулась с небольшой сковородой – без ручки, но с двумя симпатичными ушками. Чистенькой и блестящей, поскольку её ещё ни разу не использовали – хватило бы разве что на одноглазую яичницу («холостяцкая», со смехом говорила мама), а наше семейство было весьма прожорливо. – О, – сказал Гарри, – то, что надо. Так, все замолчали! Я должен настроиться.

Моментально наступила тишина – такая, что слышно было, как за стеной переругиваются соседи, а где-то за окном, далеко-далеко, с шорохом проносятся автомобили. Гарри настраивался. Он закрыл глаза. Его бесприметное лицо стало сосредоточенным и скорбным. Металлическое дно сковороды притягивало взоры холодным блеском; изящная бледная ладошка с тоненькими пальчиками медленно легла сверху.

Все замерли.

На лице мальчика выразилось мучительное, смертельное напряжение (взрослые так и впились в него взглядами, а у дяди Оси от волнения приоткрылся рот). Казалось, рука его намертво прилипла к сковороде. Он сделал судорожное усилие, словно пытаясь оторвать её – нет, не удаётся. Он конвульсивно дёрнулся... ещё раз... ещё... По искажённому лицу можно было догадаться, что соприкосновение со сковородой причиняет ему невыносимую боль. Ещё раз... ещё... Внезапно он, слабо вскрикнув, сделал отчаянный, резкий рывок – да, да, сорвать кожу, только бы разом, вмиг прекратить адскую пытку!.. – но страшная сковорода и теперь не отпустила свою жертву: неожиданно для всех она оторвалась от поверхности стола и, вопреки всем законам физики, повисла на ладони у мальчика, словно приклеенная!..

– Ва-а-ууу!!! – взревели взрослые.

Гладкий, бледный лоб Гарри покрылся мелкими бисеринками влаги; он стиснул зубы, но ничем не уронил своего достоинства. Не уронил он и сковороды. Ещё две-три секунды – видимо, для понту – подержав металлический предмет на весу, он осторожно опустил его

на скатерть – и только тогда позволил себе с тяжким, но довольным вздохом откинуться на спинку стула.

Все в восторге зааплодировали; дядя Ося крикнул: «Браво!» Захира Бадриевна, раскрасневшаяся от гордости, притянула сына к себе и звонко чмокнула в макушку. Тот поморщился и, как ни в чём не бывало, принялся накладывать себе на тарелку крабовый салат; казалось, он абсолютно равнодушен к своему успеху и даже слегка его презирает, но я все-таки успела поймать на себе быстрый, острый испытующий взглядик, брошенный чуть искоса: на тебя-то я произвел впечатление?.. Произвел, не скрою. Похоже, этот мальчик дружил с предметами не хуже моего.

После этого в гостиной вдруг стало очень празднично и шумно: напряжение спало, сменившись эйфорической веселостью, и взрослые, окончательно отбросив остатки былой скованности, перестали заботиться о хороших манерах и радостно загалдели. Как-то сразу стало ясно, что теперь все мы – одна большая, дружная семья. Звонко стучали о фарфор серебряные приборы; Захира Бадриевна гулко хохотала; дядя Ося, размахивая вилкой, громко и возбужденно живописал родителям подвиги своего чудо-пасынка: – ...И вы знаете, что он сказал?.. Оказывается, до сих пор на мне лежал так называемый венец безбрачия!.. Да-да, потому-то я всё это время и не мог обзавестись семьёй. Думаете, ерунда?.. А вот он, Игорёк, снял с меня этот самый венец, и вот тут-то у нас с Захирой-ханум всё и началось... Правда, Зарочка?..

4

Оскар Ильич, всегда склонный к преувеличениям, и на сей раз не изменил себе: квартиру Гудилиных, хоть и точно весьма просторную, вряд ли можно было назвать «огромной». Пожалуй, единственным, что хоть как-то оправдывало эту гиперболу, была прихожая – и впрямь до того обширная, что правильнее было бы говорить о ней «холл». Там, в печальном свете бра, со стен, щеголявших вычурными, багровыми с золотом обоями, зловеще ухмылялись резные деревянные маски – их коллекционировал ещё Гаррин отец-дипломат, скончавшийся несколько лет назад от обширного инфаркта, который, по уверениям Захиры Бадриевны, настиг его при особо рьяном исполнении супружеских обязанностей. Может быть, ещё и поэтому – потрясённая мрачным комизмом истории, тенью лёгшей на аляповатые стены, – я всегда чувствовала себя здесь неуютно – и на всякий случай стараласьшний раз не заглядываться на эти жуткие гримасы хохота, дьявольского восторга и, реже, уныния, портящие во всех других отношениях гостеприимный «Гудилин-холл».

Не слишком уютной была и гостиная – безумная оргия тёти-Зариной дизайнерской фантазии: стены, задрапированные восточными коврами, тяжелые бархатные занавеси, хрустальная люстра с увесистыми гроздьями сверкающих висюлек, массивные кресла и, как бы в качестве завершающего штриха – раскидистые олени рога, угрожающе нависшие над тахтой; слегка напуганная и, признаться, неприятно покоробленная всем этим кичем, я лишь мельком заглянула в тётину спальню, успев удивиться величии гигантского сексодрома, с которого стартовал когда-то невезучий Гудилин-старший, и отдать должное храбрости Оскара Ильича.

А вот Гаррин «пенал» пришелся мне по нраву. Ах, какую чудесную вещь я там встретила!.. Золотисто-коричневую подушку-думку с пышными чёрными кистями на уголках, расшитую (по словам Гарри, вручную!) замысловатым восточным орнаментом; брат уверял, что эта фамильная вещь набита девичьими косами двенадцати поколений тёти-Зариных предков по женской линии – а другая точно такая же наволочка, вышитая гладью и тройным крестом, уже притаилась в комод, дожидаясь скальпа будущей Гарриной жены (многочисленных жен, осмеливаюсь предположить я, а затем, вероятно, и многочисленных дочерей!).

Сама комнатка, узкая и тесная, напоминала в ту пору картинку из букваря давно минувших лет, где старательный октябрёнок, сидя за столом, готовит школьные задания: строго, аскетично, из мебели – лишь самое необходимое: платяной шкаф, письменный стол у окна, а рядом

ветхий, расшатанный диванчик. Ах, сколько здесь будет «пиковых моментов» (ещё один калмыковский термин)!.. Вот, к примеру: мне 15 лет, названому брату – 16; тихий, долгий зимний вечер; уютненько укутавшись пледами, с ногами забравшись на дряхлый диван, попиваем коньячок; между нами – шахматная доска, но мы не играем, отвлечённые вдруг всплывшим вопросом: что делать после школы?.. Я в полной растерянности – моё будущее в тумане, – брат, как всегда, абсолютно спокоен и даже насмешлив. – Я профессиональный иллюзионист, – бросает он, – мне ничего не стоит создать иллюзию профессионализма в любой сфере... Кстати, Юлька, на носу конец полугодия, а я не знаю ни хрена... ой, пардон, ни фиги... а, спорим, я выйду из этого исправительного заведения с золотой медалью? На шоколадку? Спорим?

(В любом споре, как известно, один дурак, другой подлец; стоит ли говорить, что душой оказалась я, а подлецом Гарри, спустя полгода получивший сразу две медали: и шоколадную и золотую?..)

– И что?.. – помню, спросил Влад, перевернув страницу «Гарри-талмуда» (так он его называл), – по-вашему, это интересно?.. Что здесь, собственно, пикового, кроме чёрных волос вашего дружка? – А то, ответила я, что фраза об иллюзиях, сказанная походя и в шутку, меня тогда поразила – и вот почему. Мне вдруг пришло в голову, что речь, возможно, идёт не только о школьных отметках. За долгие месяцы нашей дружбы я привыкла слышать, что Гарри – красавчик, это было всеобщее мнение; а тут мне вдруг подумалось – да так ли уж ему повезло в этом смысле, как все говорят?.. Что, если эта «красота» – просто ещё одна иллюзия, на которую мой братец такой мастак?.. Проверить этого я не могла, по-прежнему будучи полным профаном в вопросах внешности, но с грустью покачала головой: ох, и несладко же приходится моему братцу, если я права!..

Это печальное воспоминание влечёт за собой другое, трогательное. Та же комната, но год спустя; тот же шкаф, чуть покосившийся и местами облезлый, тот же письменный стол у окна... а вот диван уже новый, обитый чёрным велюром, стильный, но мягкий; на нём, укутавшись пледами, попивая коньячок, сидим мы с названным братом: я – в старом дяди-Осином свитере, Гарри – в дорогом шелковом красном халате с тонким пояском, весь в золотистых дракончиках, а, может быть, петухах; между нами шахматная доска, но мы не играем (вот на этом-то месте Влад, споткнувшийся о дежавю, и взъярился, решив, что я, «как всегда», над ним издеваюсь!): просто анализируем партию, вот уже много дней азартно разыгрываемую Гарри с каким-то виртуальным гроссмейстером-инвалидом: мой брат, экс-чемпион района, вот-вот признает свое поражение, меж тем, на мой дилетантский взгляд, позиция у него превосходная.

Но Гарри и так прикидывает и сяк – получается ерунда; вдруг я понимаю, в чем дело. Брата постигла участь обезьяны, пойманной за лапу узким горлом кувшина, внутри которого спрятан апельсин: боясь потерять ферзя, он не решается оставить его без прикрытия и сделать прекрасный, единственно возможный ход конём; мне же абсолютно ясно, что он ничем не рискует, ибо мат в три хода, уже смутно просвечивающий сквозь суету эндшпиля, участия ферзя не требует: в этом-то и загвоздка, но Гарри, подавленный авторитетом, всё ещё колеблется. Тут мне в голову приходит забавная мысль, и я, сняв фигуру с доски, говорю брату, что этот наглый ферзь такой же иллюзионист, как и он, Гарри; тот не понимает, затем вглядывается в расположение фигур, ахает – и тут же предлагает в награду за остроумие снять с меня венец безбрачия, совсем даром, так сказать, по благу; получает фамильной думкой по башке, гадко хохочет, обзывает меня пошлячкой, потом, успокоившись, поправляется: – Нет, ты не пошлячка, ты буквалистка!.. – и мы, собрав фигуры, идём на кухню варить кофе. Вот, собственно, и всё, ничего вроде бы крамольного, правда?..

Как бы не так! Ревнивая старческая злоба, кислотой разъедавшая в те дни мозг Влада, не давала ему пропустить и страницы, чтоб к чему-нибудь да не придраться: вот и теперь, на удивление легко проглотив «снятие венца безбрачия», он, тем не менее, не преминул недобро осведомиться: ну, и куда же, интересно, подевались наши подростковые годы? Так

сказать, пик всякой пиковости? – А, зная вашего так называемого брата, – сварливо добавил он, – ох, извините, Юлечка, я хотел сказать «названного»!.. – так вот, зная вашего *так называемого* братца, могу себе представить, что за гнусное похабство вы пытаетесь от меня скрыть!..

В ту пору спорить с ним стало опасно – любое волнение, как предупредили меня врачи, могло стоить ему (да и стоило в итоге) рассудка, а то и жизни, – и мне пришлось вновь напрячь свою память. Похабство? Профессора интересует похабство? ОК, вернемся в подростковые годы.

Один из любимых скабрёзных фокусов Гарри-двенадцатилетнего, на которые он был великий мастак и которыми повадился развлекать меня, стоило нам сойтись чуть поближе (благо взрослые часто и охотно оставляли нас вдвоём, надеясь, что мы подружимся) – так называемая «Мечта импотента»: две спички («ноги») прочно втыкаются в коробок и устанавливаются головка к головке, к ним аккуратно приставляется третья, вся эта конструкция поджигается, – и вот, к великой радости мага, спичка, прищипанная головой к своим собратьям, начинает потихоньку подниматься кверху, пока, наконец, от неё не остаётся обугленный червячок, а в комнату не врывается дядя Ося с истошным воплем: «Где горит?!» Все это, конечно, было очень здорово, но я почему-то никак не могла забыть недавнего шоу со сковородкой – и как-то раз, набравшись смелости, попросила Гарри «ещё что-нибудь приподнять».

Ответом мне стала целая серия циничных шуточек, за которыми брат тоже никогда в карман не лез; переждав, пока фонтан иссякнет, я повторила просьбу. Тогда Гарри показал мне свою правую ладонь и снисходительно сказал: – Я думал, ты лучше соображаешь. Видишь эти бугорки?.. Видишь?.. – Я была уверена, что вот-вот услышу ещё какую-нибудь скабрёзность, но в следующий миг Гарри пояснил: – Тут тоже есть мускулы – только их надо растренировать. Это чтоб держать магнит, ну, и всякие там мелкие предметы. Видишь, видишь, напрягаются?.. Растренируешь – тоже так сможешь: это меня папа научил, – добавил он как бы невзначай, а на самом деле – в пику отчиму, который, как и тётя Зара, всегда свято верил в его магический дар.

А вот и ещё одна история о гнусном похабстве Гарри. Как-то раз мама пришла домой вся бледная, растрёпанная, её трясло; рванув дверцу почтенного серванта, где ещё оставалось с новогодних праздников недопитое спиртное, выхватила оттуда початую бутылку дагестанского коньяка, лихорадочно глотнула несколько раз прямо из горлышка – и лишь тогда смогла рассказать нам с отцом, что случилось. Оказывается, несколько минут назад, забежав в аптеку за анальгином, она встретила там... кого бы мы думали?.. – Игорька! «Какой заботливый мальчик!» – умилилась мама и (хоть хмурая кассирша всё ещё отсчитывала ей сдачу) устремила к прилавку, откуда махал ей чудо-ребёнок. Но, подойдя ближе (а Гарри уже просовывал чек в неудобно расположенное окошечко аптеки), она увидела, что покупка племянника представляет собой не совсем то, что думалось, – а лучше сказать, *совсем не* то («выйди, Юлечка!») Пока она бессильно хватала ртом воздух, всё ещё надеясь, что ей примерещилось, Игорёк, естественно, заметил реакцию названной тётки – но ничуть не смутился: с нарочитой обстоятельностью расстегнув школьную сумку, он спрятал туда го... пре... – Юлечка, я же сказала тебе, выйди!! – затем всё с той же педантичной аккуратностью щелкнул застёжкой – и, вновь подняв глаза, одарил «тётю Риту» такой вкрадчивой улыбкой, что всё неодобрение, которое она собиралась обрушить на племянника, застряло у неё в горле: – а Ося говорит, – прибавила она, чуть не плача, – что от этого, ну то есть от невыраженных эмоций, может развиваться язва двенадцатиперстной кишки, а то и рак!.. – да выйди же, выйди же, выйди же, Юлечка!!!

Всё это было бы забавно, если б не терзающие меня тягостные предчувствия, которые – как я знала по опыту – обязательно сбудутся. И точно... Немного придя в себя, она заявила, что встречаться с Гарри я пусть больше и не надеюсь, что он меня «растлит», что, возможно, уже растлил, раз я играю с ним на раздевание... и вообще, уж не с этой ли целью он и осуществил свою ужасную покупку?.. Последнее предположение было диким, она отлично это понимала,

но остановиться уже не могла – и, будучи последовательной, выполнила свою угрозу: в следующий раз мы с Гарри увиделись только спустя три года, когда оба подросли достаточно, чтобы плевать на родительские капризы.

А еще семь лет спустя, прочтя эту запись, профессор Калмыков взбеленился и едва не разорвал «Гарри-талмуд» в клочья. Сперва я не поняла, что его так задело, а потом сама перечла написанное – и пришла в ужас. «Игры на раздевание»!.. Эх, Влад, Влад!.. Играли-то мы всего-навсего в шахматы, которые оба очень любили, у Гарри даже был разряд: в свое время он посещал секцию на базе бывшего Дома Пионеров, завоевал несколько медалей на районных турнирах, подавал большие надежды – но после того, как на чемпионате Москвы среди юниоров его дисквалифицировали по обвинению в использовании гипноза, психотропных средств и прочих штучек-дрючек, гордость его не выдержала, и с тех пор ему только и осталось, что играть с хорошенькими и глупенькими девочками на раздевание – разбиваю наголову, раздеваю догола, смеялся Гарри, расставляя фигуры на доске. Однако, задумав сыграть ту же шутку со мной, он в итоге сам остался в одних трусах, и дядя Ося, ненароком вошедший в комнату, опешил, а потом заорал: – А ну оделся, живо!!! – кстати, не сомневаюсь, что именно он-то и стукнул на нас маме. Вот и всё, и никакого похабства; а что до грязных Владовых домыслов, то я могу с легкостью их опровергнуть – например, такой вот грустной историей:

Как-то раз, весной, мы с Гарри, знакомые уже больше года – тогда он ещё пытался за мной ухаживать и очень удивлялся, что я под всеми предложениями уклоняюсь от его назойливых ласк, – гуляли в ЦПКИО им. Горького. Уж не помню, как это я упустила его из виду – засмотрелась на аттракционы, что ли?.. – но в следующий миг его чёрная лыжная шапочка оказалась затерянной среди доброго десятка таких же в очереди на Колесо Обозрения, и я, в панике мечась туда-сюда, взывала: «Гарри, Гарри, Гарри!!!» – пока, наконец, он не сжалился и не помахал рукой в дутой серебристой перчатке; вот тут-то до него и дошло, почему я так упорно отказываюсь «брать уроки поцелуев». Нет, конечно, дядя Ося много раз предупреждал его о моей «странности», – но разве он, Гарри, мог поверить, что какая-то девчонка способна в упор не видеть его красоты?..

С тех пор он прекратил свои домогательства и, как мне показалось, вздохнул с облегчением; тогда-то мы и стали друг для друга тем, чем продолжаем быть и поныне – братом и сестрой; тем обиднее, что неделей позже нас разлучили, обвинив в каком-то дурацком «циничном разврате»; тем обиднее, что десять лет спустя, за месяц до своей кончины, этому поверил и ты, мой бедный профессор Влад...

5

Мой пятнадцатый день рождения, тоскливый и нудный, как и оба предыдущих, отмечали под всполохи молний, недоброе ворчание встревоженных деревьев и резкий, сухой трескучий звук сыплющейся на жёст карниза мелкой ледяной крупы. Это середина июля – потому-то я и Юля! – самый грозовой сезон... Всё было уже съедено и выпито, – но одинокий, унылый гость, час назад забредший на огонёк, не хотел уходить и сидел за столом словно приклеенный, нервно вздрагивая и обхватывая голову ладонями при каждом раскате грома. Напрасно мама суетилась, пытаясь всучить ему старый, чуть сломанный, но «ещё хороший» зонтик, с которым, по её словам, он «так славнo добежал бы до метро». Белесое бушующее варево из воды и ветра, словно ластиком стёршее привычный заоконный пейзаж и теперь изредка выплёвывающее из себя чёрные прутья, со стуком ударявшие в стёкла, по-видимому, всерьёз пугало Оскара Ильича, не преминувшего с тоской заметить, что, мол, в такую погоду хорошая хозяйка и петуха из дому не выгонит. Что ж, пусть ещё немножечко переждет... Дядя обрадовался, подсел к телевизору – и не успели мы оглянуться, как время подошло к ночи.

Что было делать – не выкидывать же его на улицу?! Битый час мы соображали, куда уложить дорогого гостя; когда-то, помнится, мы с ним превосходненько соседствовали в гостиной,

но пятнадцать лет – всё-таки возраст для девушки почтенный, и едва ли ей подобает делить комнату с чужим мужем, пусть даже они и кровная родня. Пораскинув мозгами и немного повоевав со старой, добротной, пришедшей ещё из советских времен раскладушкой, семья решила, что непритязательный Ося отлично заснет и на коврике у двери... ах, ах, простите, на матрасе в кухне. То была ночь с пятницы на субботу; у меня были каникулы, у родителей – выходные, и мы резонно полагали, что наутро дядя, свежий и бодрый, отправится восвояси, позволив, таким образом, отдохнуть и нам.

Как бы не так!.. Ранним утром (ну, может, шло уже к полудню, но не выкарабкиваться же из сладостного анабиоза) в прихожей внезапно раздался звонок. Ай, какая досада!.. И кто бы это мог быть?.. Мы никого не ждали. Спустя секунду мерзкий звон повторился, но уже настойчивее. Может, кто-то с похмелья ошибся дверью?.. Что до меня, то я и не думала поддаваться на провокацию – кто бы ни был этот нахальный визитер, рвался он уж точно не ко мне! – и, уютненько свернувшись калачиком под простынёй, принялась потихоньку соединять друг с другом оголенные контакты прерванного блаженства. Тем временем назойливый гость позвонил в третий раз, и нынешний звук был не чета предыдущим, он тянулся и тянулся, не прекращаясь, словно в кнопку вставили спичку (Гарри когда-то любил так шутить!), пока я, наконец, не начала вновь задрёмывать, сквозь пелену грёз лениво думая о том, что, возможно, сама тишина есть ни что иное, как род непрерывного звона...

Внезапный внутренний толчок теперь уже окончательно выбил меня из забытья – я даже не сразу поняла, что виной тому резко изменившийся звуковой фон в квартире. Некоторое время я, замерев, прислушивалась к происходящему в прихожей, откуда доносились мужские голоса. Один из них, несомненно, принадлежал отцу. Другой, спокойный и наглый, не был мне так знаком. Впрочем...

Не вытерпев, потирая пальцами слипшиеся от сна веки, я слезла с кровати, накинула халатик – и, подкравшись к двери, выглянула в щёлку. С первого же взгляда мне стало ясно, что случилось нечто серьёзное, неприятное и, пожалуй, касающееся нас всех. Пугающая мизансцена: входная дверь распахнута настежь; сонный, растерянный папа, с усилием тараща один глаз, столбом стоит посреди прихожей, машинально поддёргивая то левой, то правой рукой широкие «семейки» в голубой горошек; рядом красуется невероятных размеров клетчатый баул вроде тех, с какими путешествуют «челноки», а два долговязых очкарика в белых футболках и синих джинсах, по виду интеллигентные ребята, уже втаскивают через порог второго точно такого же монстра, не слыша (или делая вид, что не слышат) робких протестов хозяина квартиры...

Прежде чем я сообразила, что происходит, в прихожей возник новый персонаж: аккуратно уложенные волосы так и блестят от геля, сияющая белизна дорогого летнего костюма эффектно контрастирует с их пиковой чернотой. Легонько попинав клетчатый бок острым по тогдашней моде кончиком сверкающей туфли, он одобрительно хмыкнул, снисходительно кивнул своим адъютантам (те без лишних слов удалились) и загадочно, чуть коварно улыбнулся... тут я, кажется, начала догадываться... но, как назло, именно в этот момент элегантный юноша поспешил откланяться, пояснив, что внизу его ждет такси и счётчик крутится с немислимой быстротой.

Ещё несколько секунд отец оправлялся от шока, почесывая в паху и мечтательно созерцая странную кладь, оставленную стремительным гостем; затем бросился на кухню – и до меня донеслись отчаянные вопли: «Вставай же, вставай, придурок!..» Вбежав следом, я увидела забавную сцену: папа, стоя на коленях перед импровизированным дяди-Осиным ложем, трясёт беднягу за худые веснушчатые плечи, а тот лишь страдальчески мычит да извивается в руках своего мучителя, пытаясь плотнее завернуться в матрас.

На шум поднялась и неприбранная мама. Вид огромных баулов, сиротливо стоящих в прихожей, привел её в ужас: и то сказать, за четыре с лишним года семейной жизни имуще-

ство дяди Оси значительно разрослось... Теперь несчастного расталкивали уже в четыре руки и орали на него в две глотки; еле-еле разлепив глаза, Оскар Ильич всё ещё не в силах был понять, чего от него хотят, но, когда, вытолканный разгневанными родичами в прихожую, увидел вещи, остатки сна мигом слетели с него – и он вполне здраво поинтересовался: почему же мы не задали все свои вопросы тому, кто их принес?..

– Да я и не узнал его сначала! – оправдывался отец. Дядя Ося попытался было съехидничать – дескать, как же мы, в таком случае, догадались, что именно он, Ося, хозяин сего знатного багажа?.. – но тут же прикусил язык: на каждом из баулов красовался аккуратный кусочек лейкопластыря с пометкой «Антипов О. И.» (похожие когда-то лепили мне на чемодан родители, отправляя в пионерский лагерь). Словом, то, что дядю выставили из дому, было ясно и без дополнительных комментариев. Но вот почему и как это произошло?..

Поняв, что игра проиграна, Оскар Ильич потребовал яичницу с беконом и чашку крепкого кофе – после чего обстоятельно и не без гордости поведал о своих злоключениях.

Оказывается, вчера, прежде чем отправиться ко мне на день рождения, он крепко повздорил с пасынком. То была далеко не первая их ссора, однако нынешний случай можно смело назвать уникальным – хотя бы потому, что на сей раз он, Ося, не ограничился, как прежде, горестными причитаниями, а как следует надавал Игорьку по морде, благо тот, при всех своих талантах, никогда не мог похвастать особой физической силой. Зара, естественно, налетела на мужа, как обезумевшая наседка, – и... ну, в общем, всё закончилось тем, что драчуну указали на дверь...

Мама: – Ах!.. За что же ты ударил бедного ребёнка?! – (Надо же, а я и не подозревала в ней такой лояльности!) Дядя замялся; видно было, что вспоминать подробности ему неприятно, – но так и быть... Короче, в последние месяцы с Зарочкой творилось что-то странное. Раздражительная, нервозная, она то и дело мызгала мужа из-за всякой ерунды; возмущалась, что он уделяет мало внимания сыну – и тут же сама заявляла, что он, мол, Игорьку не родной, а, значит, и не имеет права выговаривать тому за мелкие провинности; не разговаривала с ним часами – и его же обвиняла в грубости, обидчивости, чёрствости и прочих грехах, нахально и явно выдуманных. Ося, недаром психолог, чуть голову не сломал, ища реальную причину агрессии, – но так и не вспомнил за собой никакой вины. Оставалось одно: признать, что причиной всему пасынок, который с самого начала за что-то его невзлюбил и за спиной вечно наговаривает матери всякие гадости. И вот однажды Оскар Ильич собрал в кулак все свои профессиональные навыки и...

Отец, ехидно: – Что, вроде кастета, да?... Да нет, бил-то он не кулаком, а ладонью, зато по лицу – по гладкому, красивому лицу!.. – но это было чуть позже. А тогда он всего-навсего постучался в комнату к пасынку и предложил ему спокойно – что называется, по-мужски – обсудить вопрос: «Почему у нас в семье постоянно случаются конфликты?» Но Игорь, нагло ухмыльнувшись, заявил, что это ясно и без обсуждений, – и с тех пор не давал отчиму проходу: «Я вижу у вас серьёзный энергетический сбой в области малого таза. Может, нужна моя помощь?»

– Помните сковородку?.. – грустно спросил Оскар Ильич. На миг лица родителей озарились мягкими ностальгическими улыбками: ещё бы, ведь именно после той незабываемой сковородочной вечеринки дядя Ося и переехал к Гудилиным насовсем, – а потому «холостяцкая» была для нас чем-то вроде символа Свободы. Ну, вот то-то и оно... За неделю Игорёк успел так достать отчима своими грубо-экстрасенсорными намеками, что в один прекрасный день – а, конкретно, вчера – тот не выдержал: сбежал к ближайшему ларьку, хватанул для храбрости баночку джин-тоника – и, когда пасынок в очередной раз полез к нему с предложением «полепить половую сферу», сумел, наконец, ответить ему достойно... далее мы знаем.

Всё это было, конечно, очень занимательно, но главный вопрос оставался открытым: что делать с дядей Осей и его вещами?.. Мама попыталась было прозондировать почву, позвонив

Захире Бадриевне, но вернулась в кухню с поблѣкшим лицом: осатаневшая свояченица, пожаловалась она, изъяснялась с ней в жѣсткой и грубой манере врача районной поликлиники, – что не на шутку покорило маму, до сих пор знавшую «Зарочку» только с хорошей стороны.

– У-у-у, – прокомментировал дядя Ося, – это знаете какой волк в овечьей шкуре!.. Неудивительно, что она первого мужа извела! Я ещё вовремя спасся!..

Он был весел и даже шутил, чем привѣл реалистку-маму в холодную ярость; она с горечью процитировала нам финальную фразу телефонного разговора с тѣтей Зарой – «Всѣ хорошо, что хорошо кончается!» – разом убившую в ней надежду на благополучный исход. Ведь Захира Бадриевна, сама в прошлом провинциалка, так и не удосужилась прописать у себя Оскара Ильича. Но дядя Ося успокоил маму: он, по его словам, знал Зарочку гораздо лучше нашего. Вот так у них всегда и бывает: с утра поругаются, а вечером бурный Зарочкин темперамент уже гонит её просить прощения. Только вот нет, заявил дядя, уж на сей-то раз он её проучит. Баулы с бирками – это, пожалуй, перебор, так что, если мы не возражаем, он проведет у нас ещё ночь?..

Мама скривилась, но не возразила.

После завтрака жизнь потекла своим чередом. Покончив с мытьѣм плиты, куда несколько раз успел сбежать утренний дядин кофе, мама засобиравалась в гости; папа удалился в спальню – упасть в объятия глянцевого звѣзд. Оскар Ильич, оставшийся не у дел, подсел было к телевизору и несколько минут старательно смотрел популярное ток-шоу; но скоро сломался, убавил звук – и перенѣс ток-шоу в нашу гостиную. Все эти годы, – жаловался он плаксивым тоном изнемогающей в браке пожилой овцы, – надо ним цинично, расчѣтливо и совершенно безнаказанно глумится утончѣнный садист... Это меня заинтриговало, захотелось услышать подробности; к моему огорчению, ничего особо интересного дядя рассказать так и не смог.

В том-то и беда, пояснил он, что, в сущности, ему и придаться не к чему. Циничный мерзавец настолько хитѣр, что ни разу не выступил с открытым забралом, предпочитая мелкие, но подлые булабочные уколы. К примеру, взгляд – снисходительный, полный жалостливого презрения. Насмешливый тон. Подчѣркнутое игнорирование его, Оскара Ильича, присутствия в те нередкие вечера, когда мать уходит на дежурство, а по дому принимается шастать очередная красотка в неглиже. Или даже несколько красоток сразу: гадѣныш в этом деле весьма нечистоплотен, зато завел привычку демонстративно мыть руки после каждого рукопожатия с отчимом!.. За столом тоже выставляется напоказ холодная, брезгливая, молчаливая аккуратность: ни одна крошка хлеба, выпавшая из отчимова рта, ни одна случайная лужица кофе не остается без внимания – все идет в зачѣт. Одно слово – мерзавец.

– То ли дело ты, Юлечка, – льстиво сказал он, потрепав меня по макушке. – И за что этим Свиридовым так повезло с ребѣнком!..

Все эти разговорчики ничуть не маскировали того факта, что Оскар Ильич соскучился. Он то и дело косился на телефонный аппарат, а однажды даже дѣрнулся было к нему, – но тут же сделал вид, что поправляет сложенные на трюмо справочники; я услышала, как он пробормотал: «Сама позвонишь, никуда не денешься...» Но подспудная тревога нет-нет да и пробивалась наружу, так что Оскар Ильич (теперь делавший вид, что просматривает текущую прессу) всё чаще отбегал на кухню покурить; а так как человек он экономный, то вскоре вся наша квартира пропиталась тошнотворным запахом «Пегаса». («Не гонялся бы ты поп, за дешевизной!» – бормотал под нос папа, с окостеневшей улыбкой Будды внимая оптимистичным рассуждениям шурина о «маленьких хитростях семейного бюджета»).

– Голова что-то разболелась, – посетовал дядя Ося после очередного зловонного перекура. – Кто бы полечил мне голову?..

Тут он, к моему изумлению, с ногами взгромоздился на тахту, где я мирно сидела в уголке, изучая журнал «Наука и жизнь», – и не успела я ничего сообразить, как его лицо уже утыкалось мне в колени. В следующий миг оттуда донеслось сдавленное: «...возложи руки мне

на затылок!...» Я нерешительно повиновалась, с трудом сдерживая брезгливость: блёкло-рыжие волосы дяди оказались неприятно мягкими и влажными на ощупь (стояла жара). Несколько минут прошло в сосредоточенном молчании; я боялась шевельнуться – не так давно в переполненном вагоне метро меня прижал почтенный седоволосый старец, и с тех пор я относилась к мужчинам с подозрением. Хорошо ещё, что Оскар Ильич лежал спокойно, расслабившись, и ровно, глубоко дышал.

– Нет, – наконец, произнёс он, – ничего не получается. А вот когда Игорь... – Он не договаривал, вздохнул, слез с тахты и отправился на кухню курить.

Вернувшись, он поинтересовался, как у меня дела с отметками, и потребовал показать «табель». Нет проблем, год я закончила вполне прилично – в основном пятёрки, несколько четвёрок по естественным наукам и тройка по новомодному предмету «москвоведение». – Что ж, молодец, – хмыкнул дядя Ося, закрывая дневник, – а вот Игорь у нас идёт на золотую медаль. – В его голосе звучало наивное отцовское самодовольство; к счастью, я вовсе не была тщеславна – и только от души посочувствовала дяде, который, видимо, ещё не совсем понимал, что со вчерашнего дня может смело считать себя бездетным.

Между тем антикварные часы в гостиной пробили три; пробили четыре; пробили половину пятого, – а Захира Бадриевна что-то не торопилась бежать к нам с повинной. Теперь Оскар Ильич уже не скрывал, насколько обеспокоен. Глистой вытянувшись на тахте, он тоскливо ел взором телефонный аппарат, словно пытаясь его загипнотизировать; увы – его глазам-бусинам далеко было до Гарриных, и адская машина упрямо хранила безмолвие. Лишь однажды – часов эдак в шесть вечера – она разразилась пронзительной трелью, от которой дядя Ося прямо-таки дугой изогнулся на своём ложе; но то был всего-навсего отцовский сослуживец, пожелавший напомнить рассеянному коллеге о предстоящем юбилее шефа.

Явилась мама – весёлая, шумная, как будто слегка помолодевшая за время отлучки; даже стоящая в квартире табачная вонь и унылое присутствие брата, которого она, по-видимому, почитала уже благополучно отбывшим, не слишком её расстроили. – Вы б хоть окна открывали, что ли!!! – загромыкала фрамугой в кухне; отдуваясь, обмахиваясь подобранной где-то рекламной газетёнкой, вернулась в гостиную, швырнула на стол сумочку, со вздохом счастливого облегчения плюхнулась на тахту и, поудобнее пристроив аппарат на колени, принялась накручивать диск.

Последующий час пополнил мои знания о жизни новым образчиком дядиногo мировоззрения. Некогда, сказал он, усевшись за стол и грустно подперев щеку рукой, великие умы человечества, братья Люмьеры (?) изобрели уникальную вещь – телефонный аппарат; предназначением его было – быстро и без затруднений передавать информацию из одной точки пространства в другую, удаленную на тысячи, даже миллиарды километров. И как же они, наверное, переворачиваются теперь в гробу, видя с небес (?!), до чего кошунственно и бездарно используется их детище!

Сказав так, он встал, шагнул к маме и подергал её за плечо. Та рассеянно покивала. Тут с дядей произошло что-то страшное: мгновенно окрасившись в цвет собственных волос, он странно улыбнулся, ощерил зубы (впервые я заметила, что двух-трёх – по бокам – не хватает) ... и вдруг как завизжит – слюна аж во все стороны брызнула: – Да сколько ж можно трепаться!.. Сколько ж можно трепаться?!.. Сколько ж можно трепаться?! – Эта истерика привела лишь к тому, что дядю изгнали из гостиной, захлопнув дверь за его спиной так, что на ковёр посыпалась штукатурка (дом наш старый, сталинский и давно нуждается в капремонте!). Сквозь узкий, давно осиротевший кошачий лаз, ещё во времена оны прорезанный в каждой двери кем-то из полувыдуманных, знакомых мне лишь по старым пожелтевшим фото усатых отцовских предков, вновь пополз омерзительный запах «Пегаса»; а я думала: удивительно, до чего он стал вздорный. Раньше он себе такого не позволял...

Бдзы-ынь! – стоило подругам распрощаться, как «уникальная вещь», точно издеваясь, заголосила вновь. Мама вздрогнула и потёрла измученное ухо:

– Але?.. – со вздохом сказала она, – да?.. Какой ещё Гарри?.. А, это ты, Игорёк...

– Ну я же говорил!!! – раздался в прихожей горестный, рыдающий вопль, и в следующий миг дядя с грохотом влетел в гостиную, едва не сорвав дверь с петель; но сокровище было уже в моих руках и оттуда слышался незнакомый, взрослый и вместе с тем страшно родной голос:

– Привет, Юлька! Как жизнь?.. Как жизнь, спрашиваю?..

Я и хотела бы толком ответить, да не могла: как раз в эту секунду Оскар Ильич, изловчившись, ухватился за низ трубки, и мне удалось отстоять её, лишь заехав дяде рукой по носу.

– Я чего звоню-то, – весело объяснял Гарри, – тут у нас книги остались, я забыл Ильичу в сумку сунуть; может, подъедешь завтра, заберёшь?.. Заодно и повидаемся, а то я утром и не разглядел тебя толком... Дорогу ещё не забыла?..

Пихнув дядю посильнее, я ухитрилась воспользоваться передышкой: конечно, помню, и не только дорогу, и была бы жутко рада увидаться снова – если, конечно, Захира Бадриевна...

– Да ты что, – возмутился брат, – мама тебя очень любит. Вот она тут передает тебе привет... (И верно: откуда-то издали донеслись гулкие приветственные вопли тети Зары.) Так мы тебя завтра ждём, ОК?..

На сей раз Оскар Ильич подскочил сзади: крепко прижав меня к себе, он больно впился ногтями в мои пальцы, с трудом удерживающие скользкую трубку, и, обдавая всё вокруг пегасовым перегаром, истошно орал: – Сынок!.. Сыночек!.. Сынуля!.. – Не-еет, – хохотал Гарри, – Ильича мы назад не возьмём, и не надейтесь! У нас код поменялся, запиши! 731 одновременно! – Запомню! – крикнула я в пространство; – Сыночка!!! – завопил победитель, целуя окровавленный раструб... но связь уже прервалась – из трубки, в такт моему и его сердцебиению, неслись короткие гудки.

6

Филёвская ветвь метро – утешение клаустрофоба: в пиковый момент приступа, когда ты прижимаешься носом к стеклу в поисках хотя бы иллюзии пространства, милосердная электричка вдруг выныривает из узкого, тесного, тёмного тоннеля на простор, на свободу... и вот оно: измученный, вспотевший путешественник, не смея верить своему счастью, благодарно созерцает разворачивающуюся за окном панораму, с наслаждением впивая ноздрями горьковатый окраинный ветерок.

Нелишне подключить и слух: станционные платформы – открытые, белые, голые – похожи друг на друга, словно человеческие лица. И всё же я рада покинуть душный вагон. Как встарь, гляжусь в огромное, чёрт знает к чему приспособленное зеркало на краю платформы и тщательно поправляю растрепавшуюся чёлку; долго и нудно плутаю по лестницам, входам и выходам, пытаюсь выбраться «в город», но снова и снова оказываясь на платформе поезда, идущего в центр, пока мне в голову не приходит парадоксальное решение – просто пойти в другую сторону... И вот, наконец, я наверху. Ах, ностальгия!..

Дальше, если мы с Топографическим Кретинизмом ничего не напутали, надо перейти дорогу и углубиться в дремучие дворы, заросшие вековыми дубами и гаражами-«ракушками»; несколько шагов по узкой извилистой тропке – и перед нами старый, обшарпанный лабиринт, приютившийся на бывшей детской площадке между трансформаторной будкой, колючими зарослями акации и сетчатым забором стадиона. Ага, вот и дом Гарри: на двери подъезда белеет плохо приклеенное объявление ЖЭКа – вот уже вторую неделю мой чистоплотный брат вынужден смывать следы дяди-Осиных рукопожатий ледяной водой. Что ещё изменилось? Только не подъезд: он, как и прежде, прекрасен, по шоколадным стенам вьётся искусственная лоза, и ступени, устланные ярко-алой ковровой дорожкой, безупречно чисты. И немудрено: вот

меня провожает подозрительным взглядом чопорная пожилая консьержка – та самая, трехлетней давности, или новая?..

Допотопная лифтовая кабина, как всегда, коварно караулившая внизу, с грохотом содрогнулась, стоило мне дотронуться до кнопки; зато внутри меня ждал старый друг – тусклое кривоватое зеркало. Пятый этаж. Приехали!.. Звоню в дверь и слышу, как за ней рассыпается соловушка. А вот это и впрямь новшество! Неужели остался в прошлом тот резкий, режущий вой, от которого у тёти Зары каждый раз случался микроинфаркт? Дядя Ося позаботился?.. – успела удивиться я, прежде чем до меня донеслось радостное: – Иду-иду!.. – и вот я уже стою, как впервые, столбом в центре «Гудилин-холла», а тётя Зара, пряно-ароматная, сочно-цветистая, скачет вокруг, причитая и хохоча над тем, что её фиолетовый максфактор оставляет на щеках несмываемые следы:

– Юлечка, да что ж это такое?! Ай, невестушка выросла!! Игорёчек, ты глянь, какая к нам пришла красавица!..

Я робко помахала рукой бледной, странной половинке молча и насмешливо улыбавшегося лица, светлым пятном вдруг выступившей из тени узкого простенка – скорее всего, Гарри давно знал об этом эффекте, а может, приготовил его специально для меня; но, как бы ни старался он слиться с мраком, я ведь уже видела его вчера, хоть и мельком, и отлично знала, что он не утратил прежней стройности и изящества. Тут он шагнул вперёд, и я окончательно уверилась в том, что фокус был тщательно подготовлен: брат наверняка не случайно оделся в чёрное, под цвет темноты.

А тётя Зара понемногу успокоилась, посплюнула платочек, стёрла что-то с моей щеки и грустно сообщила, что покидает нас: она с удовольствием ещё поболтала бы со мной, расспросила, как поживает папа (всегда сочувствовала бедняге!). Но увы – пора на дежурство... – В темпе вальса, в темпе вальса, – пропела она, танцующими шажками удаляясь в спальню, – Игорёчек, развлекай гостью!.. – И скрылась за дверью, оставив нас с братом наедине.

Надо бы что-то сказать, но я понимаю – это нарушит очарование момента, а оно велико – прямо Кай и Герда встретились после трёхлетней разлуки; да и сам Гарри загадочно молчит, разглядывая меня так же внимательно, как я его. Весь в чёрном, но вполне по-домашнему: футболка, потёртые джинсы, и волосы незагелены, слегка курчавятся, – а всё равно, чёрт знает почему, выглядит жутко элегантно; тоже в своём роде особая примета, заметная безо всякого овеществления.

А вот и ещё одна, уже более сомнительная. Что-то произошло с его лицом за эти годы: раньше оно было куда живее, подвижнее, а теперь такое ощущение, будто он каждую секунду строго следит за своей мимикой, и даже лёгкая демонская ухмылочка отдаёт чем-то неестественным... что-то приятное, хорошо знакомое с детства... ах, да, маска! – посмертная гипсовая маска из пушкинского музея, только на *этой* маске кто-то прорисовал углём брови, глаза и ресницы. Тут я вдруг поняла, почему мне кажется, что в «Гудилин-холле» чего-то не хватает. Ну конечно же – исчезли зловещие резные маски со стен!.. Не иначе, подумала я, дядя Ося заставил жену их снять – приревновал к покойнику, что ли?..

– Он боялся их, – засмеялся Гарри, всегда читавший мои мысли без помощи хрустального шара, дымовых шашек и даже недопитого чая; и опять от меня не ускользнула лёгкая нарочитость его мимики:

– А что у тебя с... – начала я, но вновь обрётённый брат не дал мне договорить:

– Ты ещё гостиную не видела, это шедевр! Пойдём, посмеёшься! – и втолкнул меня в комнату, казавшуюся в детстве образцом безвкусицы. Ну что ж, должна признать – за три года она заметно изменилась к лучшему! Грозные олени рога, равно как и аляповатый туркменский ковёр, служивший им когда-то достойным фоном, бесследно исчезли, уступив место роскошным глянцевым фотообоям – живой, искрящийся хрустальный каскад, окутанный лёгкой дымкой, в пену взбивает острые камни подножия. Так вот оно что! Наконец-то я смогла оценить

тонкий английский юмор дяди Оси, как-то раз с загадочным видом показавшего мне полароидный снимок – он с женой на фоне этого самого водопада, а внизу подпись: «Мы в отпуске»!.. Надо же, а как натуралистично смотрелось.

В комнату ворвалась огромная Захира Бадриевна в просторном жёлтом сарафане: чмокнула нас в макушки, с обаятельной грациозностью порхнула к окну: – Сколько там натикало на термометре? Двадцать семь вверх – ужас!!! – уже на бегу сообщила, что «торт и всё прочее» – на столе: – Хозяйничайте тут без меня! – и унеслась восвояси, оставив по себе стойкий запах «Пуазона» (я вспомнила курс физики за седьмой класс – молекулы газа, диффузия). Секунду спустя входная дверь гулко хлопнула, отчего стекла массивного книжного шкафа «под старину» слегка содрогнулись.

– Отбыла, – констатировал Гарри, обнимая меня за талию. – Ну что, пойдём пить кофе?

– А книги?..

– Да подожди ты со своими книгами! Я сто лет тебя не видел!

Но мне всё ещё было слегка не по себе с этим новым, повзрослевшим Гарри – может быть, поэтому я и не могла никак соскочить с нудной темы. А много ли он их оставил?.. Много, ой много – в былые времена, да если б сдать в макулатуру, хватило бы на шикарный трёхтомник Дюма... – Ты все сразу-то не забирай, – говорил Гарри, выходя в прихожую, – лучше забегай почаще, мы всегда тебе рады... Секундочку! – перебил он себя и скрылся в ванной. Миг спустя оттуда послышался чудовищный скрежет и вой, а затем – разухабистый мат, которого не смог заглушить даже шум льющейся воды: видимо, Гарри машинально отвернул горячий вентиль. Я послушала-послушала – и пошла в кухню изучать кофейные принадлежности.

Почти игрушечная позолоченная джезва оказалась, к моему удивлению и умилению, вполне настоящей, и Гарри, пообещав, что сейчас угостит меня кое-чем таким, чего я никогда не пробовала и вряд ли попробую где-нибудь ещё, принялся колдовать над ней так скрупулезно и старательно, точно приворотное зелье готовил. Стоя у плиты, он тем не менее не забывал о светских приличиях и поминутно бросал через плечо короткие, отрывистые фразы:

– Давай рассказывай – как живёшь, чем дышишь? Ильич говорил, в Тимирязевку готовишься?..

– В какую ещё Тимирязевку?!

– Ну, на ботаника. Или на биолога... Целыми днями в микроскоп смотришь и всё такое?..

Так вот он о чём... Я даже улыбнулась: дядя Ося, как всегда, в своём репертуаре. Два года назад папа подарил мне на день рождения купленный где-то с рук световой микроскоп, и я потихоньку тырила из кабинета биологии препараты разной мелкой живности; один я, кажется, стащила прямо с контрольной – то была гидра, разглядев которую в окуляр, моя соседка по парте разрыдалась от облегчения: так вот, оказывается, что означает подпись под иллюстрацией – «масштаб 100:1»! А её-то мучили кошмары, в которых животное представало точно таким, как на картинке, только увеличенным стократно: огромное, полупрозрачное, зловеще поводящее ветвями-щупальцами дерево-анчар с отвратительной присоской вместо корней!!! С тех пор она полюбила биологию; ну, а я так и осталась к ней равнодушна, что бы там ни выдумывал Оскар Ильич.

А вот что меня действительно привлекало – препараты неорганические. Микроскоп, объясняя я брату, позволил мне проникнуть в царство предметов гораздо глубже, осмысленнее: с первого взгляда я влюбилась в ковровые ворсинки, нити, клочья ваты – спутанные, перекрученные, устрашающие на вид волокна; ещё больше завораживают случайно попавшие под стёклышко пылинки, что в десятикратном увеличении превращаются в сад камней; но лучше всего положить под объектив дочиста протёртое пустое стекло – и вглядываться, вглядываться, не отрываясь, в мертвенную, загадочную, изжелта-бледную лунообразную поверхность...

Гарри слушал меня, странно похмыкивал, и в какой-то миг мне показалось, что моя болтовня его раздражает; но когда он обернулся, я увидела, что лицо его уже не похоже на маску – до того оно живое и весёлое:

– Как здорово, – проговорил он, – что хоть что-то в нашей жизни остаётся неизменным...

Я думала, тут-то он и упустит своё варево, которое, как это всегда бывает, заблагоухало и поползло вверх в ту самую секунду, когда повар утратил бдительность; но плохо же я знала старого фокусника, за три года вовсе не растерявшего навыков обращения с неживой стихией. За миг до того, как ароматная магла вспучилась над сосудом пористой шапкой, Гарри отточенным движением сдернул джеззу с огня – и шагнул к столу, бормоча: – Скорей-скорей-скорей, пока пеночка не опала!..

Я торопливо подставила чашки – и брат со снайперской точностью распределил по ним коричневую жижу, поясняя мимоходом, что в пенке-то как раз и скрыт самый смак.

– А ты умеешь гадать на кофейной гуще?.. – спросила я. Гарри приподнял брови; но вопрос мой не был праздным – общаясь с дядей Осей, я тоже каких только чудес не услышала. Например, что Гарри сам зарабатывает себе на карманные расходы, и не чем-нибудь, а *магией*; вдаваться в подробности дядя отказался наотрез – он, по большому счёту, и остерегался лишний раз вникать в дела пасынка, если только они сами не вторгались в его мирное существование, как те пресловутые девки в неглиже. «Ходят к нему какие-то убогонькие, – неохотно отвечал он на мои жадные расспросы, – он их заводит к себе в комнату, а что там с ними делает – кто ж его знает; выходят бодрые, довольные, благодарят Зарочку за то, что вырастила такого сына, суют баксы...» Игорёк, правда, как-то говорил ему, что «чистит ауры» и «снимает порчу», но что конкретно имеется в виду, Оскар Ильич не знал, – а я, исходя из кое-каких детских воспоминаний, сильно подозревала, что не знает этого и сам Гарри. Стоит ли говорить, как мне не терпелось заглянуть в первоисточник?..

Гарри засмеялся.

– Ну-ка, ну-ка, – проговорил он, хмурясь и внимательно изучая вымазанное гущей нутро джезвы, – что у нас тут?.. О-о-о, король-олень!.. Любовь у нас с тобой будет, Юлька, большая любовь! – и с неожиданной досадой отправил сосуд-сплетник в раковину. А я и не поняла бы, что его так расстроило, если бы он вдруг не заговорил совсем другим тоном. Эх, Юлька, сколько же кретин на свете! И как это всё получилось?.. Само, почти без его участия: сперва были игры со сковородками, трепотня о венцах безбрачия, полушутливое «наложение рук», под которые охотно подставляли свои глупые головы не только отчим, но и мама; потом невесть откуда начали возникать подружки и коллеги Захиры Бадриевны, то и дело забегавшие на огонёк и, даром что медики, дивившиеся чудесному облегчению головных и прочих болей. За ними потянулись их пациенты, знакомые пациентов, знакомые знакомых... словом, он и сам не заметил, во что ввязался, – а когда понял, было уже поздно что-то объяснять, да и деньги потекли ручейком...

– Ты хоть чувствуешь, что пьёшь? Элитный сорт, такая дороговизна!

Однажды его угораздило: не выдержал, понимаешь ли, бремени ответственности, решил облегчить душу, открыв своё истинное лицо хотя бы родной матери. Короче, в один прекрасный день он зашёл к ней в спальню и честно рассказал всё: что много лет дурил их с Оскаром Ильичом, что нет у него никакого «дара» и тэдэ и тэпэ... При этом он, кретин такой, рассчитывал если не на сочувствие, то хотя бы на понимание. Но Захира Бадриевна попросту отказалась верить, заявив, что он, дескать, «перетрудился» и что неплохо бы ему выпить валерьяночки и как следует выспаться.

Тогда Гарри, которого, что называется, переключило, решил перейти от щадящей терапии к жёсткой хирургии: в очередной раз произведя перед мамой знаменитую «левитацию сковороды», он продемонстрировал ей то, о чем до сей поры знала только я – мускулы на ладони и магнит... Увы! Реакция тети Зары была неожиданной и удручающей! Недоверчиво повер-

тев в руках увесистый кругляш, она смущённо сказала: «Ну, конечно, может быть, ты действительно начинал с простых фокусов, но со временем-то у тебя всё равно развился настоящий дар!»

– Ну и о чём с ними говорить после этого? – сокрушался Гарри. – Одна ты, Юлька, у меня и осталась...

Кстати, заметила ли я, что с его лицом что-то не так? Оно как будто слегка изменилось, правда?!

Еще бы не заметить; а в чём дело-то?..

Да просто он, Гарри, вот уже около года тренирует лицевые мышцы, как когда-то в детстве – пальцы и ладонь: его идеал – пластичная маска, способная мгновенно принимать любые формы. Зачем?.. Да чтобы производить ещё большее впечатление на идиотов. Запомни, Юлька, основной закон жизни: сначала ты работаешь на иллюзию, а потом она на тебя – и в любом деле самое главное это логотип и реклама. Поняла?..

– Во всяком случае, пытаюсь, – пролепетала я, потрясённая его исповедью.

7

Всё-таки жесток человек: не прошло и недели, как Гудилены вернули нам дядю Осю, а наше семейство уже помыкало им вовсю – и даже папа с его болезненной деликатностью очень скоро и незаметно для себя привык пользоваться услугами забитой и безотказной Золушки в штанах, на чьи узкие плечи легла вся чёрная работа по дому. Она чистила ковры, размораживала холодильник, мыла посуду, по нескольку раз на неделе драила полы, раковину и унитаз, – а если кому-то из нас вдруг приходила охота распить бутылочку пивка или погрызть фисташек, не возникало вопроса, кто именно влезет в раздолбанные кроссовки и побежит до ближайшего ларька. Грешно так говорить, но в какой-то мере это было справедливо: в конце концов, мы её к себе не звали...

Вновь привыкая к унижительной позе приживала, Оскар Ильич стремительно опускался. В свои тридцать семь он выглядел пятидесятилетним – отчасти из-за того, что ухитрился очень быстро растолстеть и обрюзгнуть (похоже, тётя Зара держала его в чёрном теле), отчасти оттого, что из какого-то дурацкого «принципа» совсем перестал следить за собой – и, видно, сам не заметил, как его редкие, начинающие сидеть патлы свисли на плечи, усыпав их перхотью, на затылке образовалась проплешина, а под мышками любимого свитера («говнистого», как выражалась мама) зазияли чудовищные дыры.

Зато гордость его оставалась нетронутой – и вот каждое утро он, всё из того же «принципа» не желавший участвовать в семейных трапезах, поднимался спозаранку, чтобы собственноручно поджарить себе яичницу на злополучной «холостяцкой», дождавшейся, наконец, своего истинного хозяина. Кто знает, не напоминала ли она ему ещё о чемнибудь?.. Конечно да; но дядя ни разу не заикнулся об этом, упрямо делая вид, что и думать забыл об утраченном семейном счастье.

Мораторий был нарушен в день Гарриного семнадцатилетия, когда Оскар Ильич, на самом-то деле всегда свято помнивший эту дату (и даже, кажется, подобно Штирлицу запершийся в туалете, чтобы отметить её в одиночестве рюмкой водки!), передал мне, официально приглашённой на вечеринку, подарок для брата: огромный, тяжеленный полиэтиленовый свёрток, прочно перевязанный бечёвкой, под которую была втиснута стандартная почтовая открытка о трёх розочках. То был январь; как раз накануне ударили морозы, дорогу сковала гололедица, и я еле дотащила подарок, даже не подозревая, что у него там внутри, – но когда мы с Гарри развернули свёрток, я сразу узнала дядины учебники по психологии; счастливый виновник как увидел их, так упал животом на диван и начал дико хохотать. Я, донельзя уставшая, злая как чёрт, холодно поинтересовалась, чему он, собственно, так радуется; утирая слёзы, брат ответил, что, видимо, носить эти книги туда-сюда – моя карма, так что нынешней

весной он, пожалуй, подарит их дяде Осе на день рождения – нарочно, чтобы не лишать меня удовольствия в третий раз перевезти их через пол-Москвы...

Угрозы своей он, конечно, не выполнил, напротив – в день «икс» появился на пороге нашей квартиры в одном из лучших костюмов, держа на отлёте роскошный букет чайных роз. Подарок тоже оказался вполне на уровне: «Паркер» с золотым пером и дорогой органайзер. Весь вечер Гарри блистал светским обхождением, выказывая бывшему отчиму прямо-таки сыновнюю почтительность, – так что даже мама, с давних пор считавшая «Игорька» сомнительной личностью, сменила гнев на милость, признав, что уж в чём-чём, а в умении вести себя ему не откажешь.

И лишь одна я знала правду. Не далее как на днях моего названного брата вдруг осенила мысль, что призвание призванием, деньги деньгами, – а подумать о высшем образовании всё-таки не мешало бы. А так как выбор вуза был ему абсолютно безразличен – «Я – профессиональный иллюзионист...», – то он и предпочёл путь наименьшего сопротивления, решив подольститься к Оскару Ильичу, у которого ещё со времён аспирантуры остались кой-какие связи в МГИПУ. От армии Гарри давно и благополучно отмазался (тоже благодаря связям – на сей раз тёти-Зариным), а, значит, вполне мог позволить себе роскошь стать гуманитарием.

Он не прогадал. Это я, Гаррина душеприказчица, знаю, как ловко мой братец умеет имитировать любые чувства – от ледяного презрения до восторженного обожания, – но бедный дядя Ося, давно отвыкший от уважения – да что там, просто от человеческого отношения к себе! – был не на шутку тронут; а, узнав, что «сыночек» решил пойти по его стопам, даже прослезился. Стоит ли говорить, что он с блеском выполнил свою задачу: благодушные профессора с таким энтузиазмом приветствовали «мужское пополнение» в своей альма-матер, что Гарри, по-моему, даже к экзаменам готовиться не пришлось.

Осенью счастливый отчим получил очередной букет роз – уже не от абитуриента, а от студента Гудилина. А тут вдруг новый поворот: один из почтенных профессоров, узнав о бедственном положении бывшего аспиранта, пообещал тому содействие в трудоустройстве – и тут же, с ходу, предложил вакансию у себя на кафедре. В общем, было похоже, что прихотливая фортуна вновь поворачивается к дяде лицом...

Почему же он всё-таки уехал? Мы так и не поняли. Просто однажды мне, вернувшейся из «Гудилин-холла», показалось, что в квартире как будто чего-то не хватает; я долго не могла сообразить, чего же именно, пока не начала переодеваться и не полезла в платяной шкаф. Ба! – верхняя-то полка, где раньше лежали дядины вещи, пуста!.. Я забежала по квартире: и точно – нет ни тапочек, ни знаменитых клетчатых баулов, ни облезлой зубной щетки в стакане... Пепельница чистая... Что такое?.. Пришли с работы родители, но не прояснили ситуацию (как я надеялась), а только были удивлены не меньше моего: они уверяли, что в тот день и словом не успели перемолвиться с Осей, – а, значит, едва ли могли чем-то обидеть его или унижить.

Позвонили в Воронеж, – но и дедушка Илья, хоть и с нетерпением ожидавший сына, знал не больше нашего. Тайна...

Правда, задним числом я вспомнила, что, когда сидела у Гарри, произошёл странный эпизод: зазвонил телефон, брат снял трубку, сказал «Алё», послушал минуты две-три – а потом в своей фирменной манере витиевато выматерился, после чего спокойно вернул трубку на рычаг. Батюшки, да уж не был ли то Оскар Ильич?!.. Но спросить я так и не решилась.

Циничный Гарри уверяет, что, дескать, Оскар Ильич, в кои-то веки обнаружив, как оформилась и похорошела его маленькая воспитанница, просто-напросто бежал от соблазна. Чувшь. Гораздо ближе к истине мне кажется причина, указанная в одном из дядиных любимых стихотворений – он частенько нам его цитировал:

«Не вынесла душа поэта

Позора мелочных обид».

Часть II

1

Вы будете смеяться, дорогие коллеги, но вторая моя встреча с профессором Калмыковым, на сей раз почти осознанная, произошла в Интернете – да-да, том самом, откуда мы, ваши непутёвые студенты, берём тексты рефератов и курсовых. Канун моего семнадцатилетия: четыре месяца назад названный брат подарил мне компьютер...

Ну, как «подарил»?.. Просто наш иллюзионист, очень трепетно относящийся к антуражу вообще, не говоря уж о собственном антураже, решил сменить старенький, со скрипом думающий Compaq на более престижную марку. Ремесло целителя, которое Гарри не забросил и студентом, приносило ему достатоШный доход – и вот он выполнил свое намерение, водрузив на стол «Пентиум» с широченным экраном. А неделю спустя угрюмый, сутуловатый юноша, один из Гарриных... нет, не друзей – их у брата никогда не было, если не считать меня, конечно, – а приятелей-прихлебателей, благоговевших перед его могуществом, доставил мне устаревшую модель в комплекте с модемом и двумя CD-колонками: щедрость, неслыханная даже для Восьмого Марта, к которому Гарри умело приурочил акт дарения.

Я долго удивлялась: почему брат, который при всей своей неустойчивой, почти маниакальной страсти к роскоши всегда был немного скуповат, просто-напросто не загнал кому-нибудь старое «железо»?.. Пока со стыдом не сообразила: да ведь он попросту выселяет меня из своей комнатухи, так пришедшейся мне по душе – выселяет, как когда-то Оскара Ильича! Что делать: Гудилены – такое гостеприимное семейство, что мне и в голову не приходило, что я своими визитами могу мешать чьим-то личным или профессиональным планам. Каюсь!..

Так или иначе, я не осталась внакладе. Компьютер был хорошенький, ладный; экран его представлял собой идеальный квадрат, чьё синее мерцающее свечение заставило меня в одночасье отречься от всех былых привязанностей – светового микроскопа, хрустального шара, с чьей помощью Гарри предсказывал будущее, и даже маминых голубых бус. Заботливый брат заправил жесткий диск множеством логических игр, в числе которых были и шахматы – и стоит ли говорить, что сражаться с неживым предметом оказалось куда интереснее, чем с Гарри, который, в общем-то, только думал, что был мне полноценным партнером. Словом, новый друг отлично заменил старого. Да и тот меня не забывал и время от времени слал забавные весточки: «Привет-привет! Сегодня был клиент с особой приметой, тебе бы понравилось: шесть пальцев на руке! Уверял, что он Сатана, умолял „сделать хотя бы что-нибудь“! Посоветовал ампутацию, взял сто баксов за консультацию...» – и тэдэ и тэпэ.

Иногда вместо письма я находила в ящике открытку с изображением цветка («Виртуальные розы») или заката («Виртуальные закаты»). А как-то раз он предложил мне встретиться в чате-болталке. Что за «болталка»? Гарри объяснил: это такое место в Интернете, куда люди заходят, чтобы, скрывшись под «никнеймом», поболтать о том о сем...

Я, всегда любившая анонимность, заинтересовалась – и мы с братом, ткнувшись туда-сюда, обжегшись на грубости слишком юных камрадов, осели в комнатке с уютным названием «У Даши». Тут я обратила внимание вот на какой любопытный казус. Гарри, которого я «в реале» еле-еле узнавала в лицо, здесь, в чате, выдавал мне свое присутствие моментально, под каким бы ником не вошел в болталку («Воланд», «Мистер Икс», «Мастер Смерть», «профессор Мориарти», всегда в чёрном). Я всё спрашивала себя: почему так происходит? Потому, что все его псевдонимы связаны тематическим родством? Нет – похоже, всё дело в слоге, резко контрастирующем с безлико-развязной манерой остальных чатлан. Даже в маске оставаясь снобом, Гарри никогда не прибегал к общепринятым виртуальным ужимкам, вместо весёлых смайликов писал «шучу», вместо грустных – «увы», «к сожалению» и даже «как ни печально»;

не рисовал милых рожиц, не писал «гы-гы», если в тексте послания сквозило что-то смешное, и тщательно соблюдал правильность орфографии и пунктуации.

Впрочем, пустая болтовня быстро наскучила матерому шарлатану, привыкшему быть в центре внимания, и он занялся тем, что любил больше всего – созданием иллюзий. Как-то раз, помнится, мы с ним три дня подряд изображали буйную виртуальную страсть – на потеху завсегдатаям, встречавшим каждую нашу ссору и примирение одобрительным «гыгы». Параллельно Гарри подзуживал меня в строчке привата:

«А знаешь, что самое лучшее в МГИПУ им. Макаренко?»

Я: «Ну, что?»

Гарри: «Девушек тут – как подсознательных мотивов: 95 на 5 осознанных (т.е. сознательных молодых людей!)»

Или: «А ты кем хотела бы стать – матроной, наложницей, гетерой или жрицей?»

Это их историк недавно рассказал им о женских социальных ролях, принятых в античном обществе – и предприимчивый Гарри с лёгкостью уложил в эти категории всю дамскую часть своего курса. Матроны – взрослые тётки, обременённые работой или семейством: держатся солидно, особняком, а за иными по вечерам приезжают суровые мужья на лакированных «тойотах»; с такими лучше не связываться – хлопот не оберёшься. Жрицы – юные, серьёзные, только-только вылезшие из-за парт круглые отличницы, повёрнутые на учебе; увидеть их всегда можно в первом ряду, а узнать – по строгим, насупленным личикам и постно сжатым губкам; тоже не очень-то привлекательный тип. Гораздо больше Гарри интересовали хорошенькие, смешливые наложницы, стайками выющиеся вокруг мальчиков, – а также надменные, эрудированные, знающие себе цену гетеры. Случаются, конечно, и рокировки – только за зиму он, Гарри, навёл на курсе ух какого шороху. Уже к Новому Году несколько чопорных жриц, забросив конспекты за мельницу, переквалифицировались в наложницы; иные наложницы выросли до гетер, – а одна чинная матрона ухитрилась проделать полный круг, разойдясь с мужем и став, таким образом, гетерой, потом постепенно опустившись до наложниц – и лишь недавно (видно, от безысходности) пополнив ряды суровых жриц... Ну, а в общем, подытожил брат, рано или поздно сдаются все: такова уж специфика педвуза.

Я, хоть и посмеивалась над его занимательной социологией, в душе прекрасно понимала, что он попросту отпугивает меня от своей альма-матер – боится, что я каким-то образом помешаю его личной жизни. Но для меня уже стало привычным делом защищать свой выбор: старшие его тоже не слишком-то одобряли – они предпочли бы видеть меня студенткой физтеха (дед Илья: «Да ты только вслушайся, как звучит: «Веточки параболы смотрят вверх!..») Бедняги считали, что я просто-напросто влюблена в Гарри, вот и «волочусь за ним, как хвост» (мама); я не хотела ещё больше расстраивать их, признаваясь, что на самом деле стало для меня решающим: давняя дяди-Осина оговорка, злая, но меткая, выскочившая у него в приступе самоуничтожения и гордыни, звучавшая – не ручаюсь за точность! – примерно так: «Лучшие специалисты в нашей области получают из адаптированных идиотов».

2

В компьютере покойного профессора сохранилось несколько фрагментов нашей с ним переписки – они приведены у меня без купюр. Вот, например, очень раннее, яркое и болезненное воспоминание – пиковейший момент моего детства. Однажды, когда я, забившись в тесный уголок между тахтой и батареей, наслаждалась созерцанием нежно-голубого стеклянного чуда, чья-то грубая, жёсткая рука (отцовская? дяди-Осина? нет, скорее мамина!) вдруг попыталась вырвать его у меня – да так неловко, что леска, державшая бусины, лопнула и мои непослушные друзья раскатились по всей комнате. От испуга и возмущения я заревела в голос; увы, к ловле беглецов меня не допустили, что делало обиду ещё более горькой и непоправимой...

Vlad: Очень хорошо, Юлечка!))) И что же случилось после того, как рассыпались бусы?...:)))

Юля: Несколько часов спустя, по какому-то наитию забредя в родительскую спальню и взгромоздившись на стул, я обнаружила любимую игрушку на подоконнике: та, усилиями взрослых вновь обретшая целостность, покоилась поверх глубокой поперечной трещины, упирившейся кончиком в пластмассовое основание старой настольной лампы, чей абажур был давно и безвозвратно утерян, а раздражающе-яркие лучи, пронизывая бусинки, ложились на изжелта-белую поверхность нежными голубыми пятнышками. Задрожав от восторга, я схватила ожерелье, уставилась на него в тупом блаженстве... и тут мне стало нехорошо. Какой же это маньяк дерзнул так гнусно исказить родной, любимый облик, произвольно поменяв местами тяжёлые шарики, каждый из которых я знала в симпатичное одноглазое лицо?.. Более тошнотворной картины я в жизни не видывала; на мой отчаянный рёв сбежалось все семейство во главе с дядей Осей, уже потирающим руки в предвкушении очередного психологического эксперимента.

(Нечто подобное я пережила три года спустя, когда мы с Оскаром Ильичом пошли в цирк и я увидела, как два клоуна, загнав свою коллегу в шкаф, распилили тот натрое и ловко перетасовали получившиеся кубы, – а когда дверцы снова отворились, бедная женщина предстала перед зрителями в жутком и постыдном виде – всё у нее было не там где надо: ноги посередине, руки и живот сверху, грудь с плечами внизу, но самым ужасным оказалось все-таки лицо, застрявшее где-то между пятками, перевёрнутое, но так и не переставшее широко, счастливо, белозубо улыбаться).

Vlad: ☺

Он, не в пример Гарри, обожал всякие такие штучки-дрючки.

А познакомились мы с профессором случайно – в так называемой «обсуждалке», а попросту – книге отзывов, что виртуальной цепочкой была прикреплена к статье некоего И. Кумыха об аутизме, случайно пойманной мною на каком-то психологическом сайте. Автор утверждал, что РДА (ранний детский А.) – вовсе не болезнь, как считает большинство исследователей, а, напротив, что-то вроде новой ступени эволюционного развития, на которую со временем переберется и весь Человек (в глобальном смысле термина). Недаром же число аутистов (то есть людей абсолютно самодостаточных, умело творящих собственные вселенные и вообще молодцов!) с каждым годом, по статистике Минздрава, неуклонно растет. Известно также, – добавлял Кумых, кандидат медицинских наук, – что едва ли не треть признанных историей творцов, подаривших Земле величайшие ценности науки и культуры, выросла именно из аутичных детей, равно как и добрая половина прославленных и кровавых тиранов, активно эти ценности уничтожавших; ну как тут не задуматься о существовании некоей высшей расы, упомянутой ещё Достоевским (тоже, кстати, аутистом)?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.